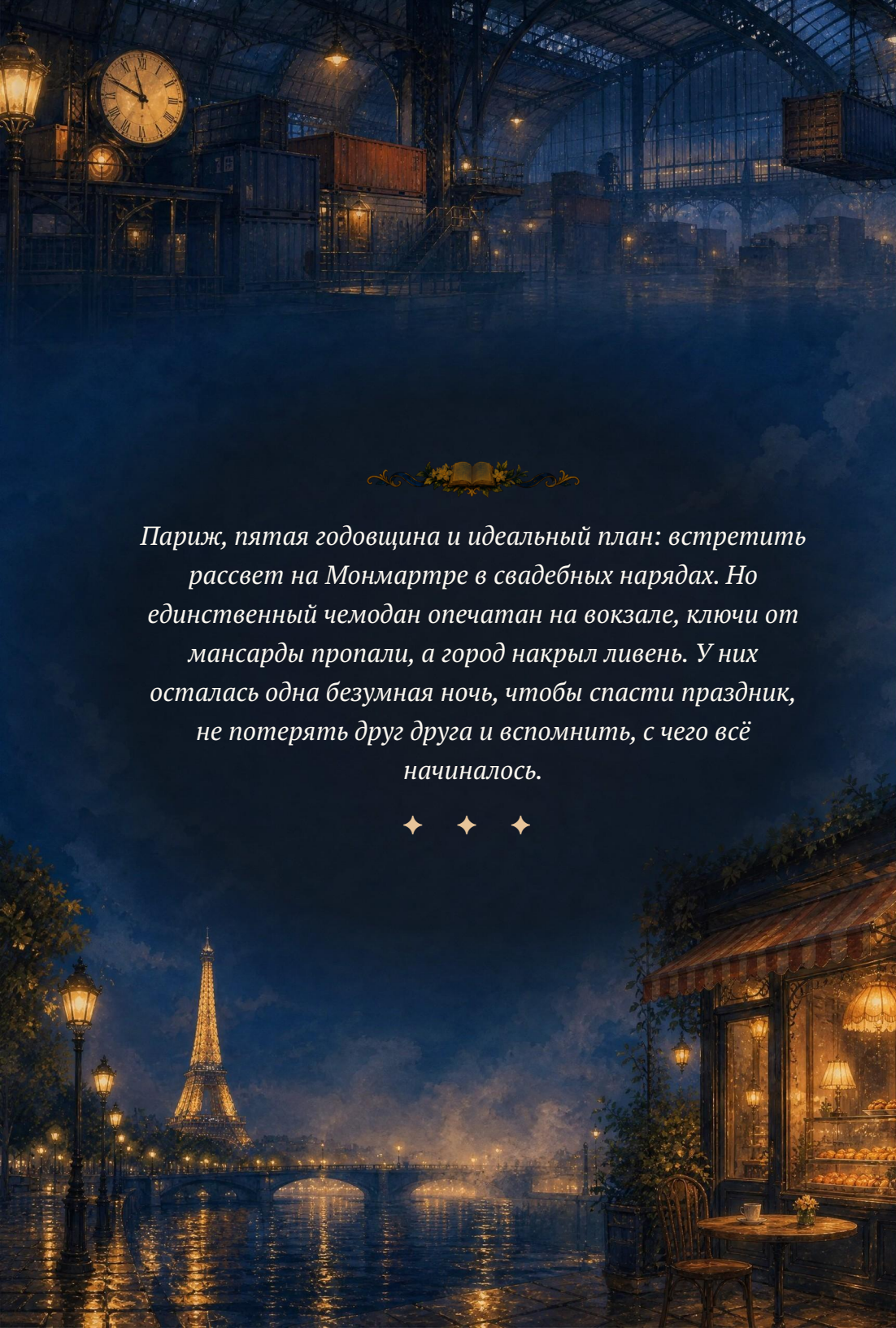

Париж, пятая годовщина и идеальный план: встретить рассвет на Монмартре в свадебных нарядах. Но единственный чемодан опечатан на вокзале, ключи от мансарды пропали, а город накрыл ливень. У них осталась одна безумная ночь, чтобы спасти праздник, не потерять друг друга и вспомнить, с чего всё начиналось.

Артём · Второй шанс под небом Парижа

Артём ВТОРОЙ ШАНС под небом ПАРИЖА

Париж, пятая годовщина и идеальный план:
встретить рассвет на Монмартре в свадебных
нарядах. Но единственный чемодан опечатан на
вокзале, ключи от мансарды пропали, а город накрыл
ливень. У них осталась одна безумная ночь, чтобы
спасти праздник, не потерять друг друга и вспомнить,
с чего всё начиналось.

Артём · Второй шанс под небом Парижа

Артём
ВТОРОЙ ШАНС
под небом
ПАРИЖА

*Лене — на нашу пятую годовщину.
Спасибо за то, что каждый день с тобой
остаётся самым первым.*

— Твой Артём

Содержание

1	Кадр с пустым местом.....	3
2	Неприступный склад.....	18
3	Запах круассанов и тревоги.....	32
4	Следы на мостовой.....	45
5	Гроза над Сеной.....	56
6	Салфетка из прошлого.....	70
7	Человек с перрона.....	83
8	Поезд на Лион.....	98
9	Экстренное торможение.....	108
10	Рассвет в фа-мажоре.....	121

ГЛАВА I

Кадр с пустым местом

Стеклянные своды Лионского вокзала гудели от сквозняка, пара и предвкушения. Париж встречал их не открыточным золотом фонарей, а косым ноябрьским ливнем, дробно колотившим по огромному арочному ку-

полу. Пахло мокрым чугуном, остывающим машинным маслом и жареными каштанами — запахом, который Лена бережно хранила в памяти целых пять лет.

Она сделала два шага назад по влажным гранитным плитам перрона, прижимая к глазу холодный металлический корпус старого «Олимпуса». Потертый кожаный ремешок привычно врезался в шею через плотную вязку молочно-белого свитера. В маленьком круглом видоискателе мир обретал спасительную четкость: вот блестящий бок скоростного поезда TGV, вот смазанные силуэты спешащих пассажиров, а вот и центр композиции.

Лена

— Тёма, чуть левее, — скомандовала она, слегка приседая, чтобы поймать в кадр отражение фонаря в лужице. — И подбородок выше. Подожди, не шевелись, тут идеальный свет!

Артём стоял у массивной каменной урны, распахнув синюю джинсовую рубашку, из-под которой виднелась простая серая футболка. В правой руке он держал их кана-

реечно-желтый чемодан — вызывающе яркое пятно среди монохромной европейской слякоти. На лице его блуждала та самая спокойная, чуть лукавая полуулыбка, которая пять лет назад заставила Лену поверить, что в этом человеке начисто отсутствует ген суеты.

— Лен, если я простою так еще три секунды, вокзальные голуби решат, что я памятник неизвестному туристу, — отозвался он густым, обволакивающим баритоном, в котором звенела нежная насмешка. — Мои мышцы лица уже кристаллизуются.

— Не кристаллизуются, ты прекрасен. Просто держи чемодан под углом в сорок пять градусов. Мы открываем наш юбилейный альбом. Страница первая: «Возвращение к истокам».

↗ Артём

— Истоки требуют кофе, — вздохнул Артём, но послушно замер. Правда, чемодан он все-таки опустил на полированный гранит прямо у подножия гранитной урны, рядом с краем скамейки. — Рука отваливается. Там внутри что, чугунные сковородки?

— Там всё! — строго отозвалась Лена, пальцем подкручивая фокусировочное кольцо объектива. —

Мое бархатное платье для завтрашнего ужина, твои туфли, путеводители с закладками и... Тёма, не вертись! По-правь воротник.

Она задержала дыхание, ловя в рамку кадра идеальную геометрию: мокрая платформа, уходящие вдаль рельсы и мужчина с аккуратной темной бородкой, смотрящий прямо на нее сквозь толчею чужого города. Палец коснулся спусковой кнопки.

Мягкий щелчок затвора.

Лена на секунду оторвалась от видеоискателя, чтобы проверить экспозицию на крошечном экранчике, и недовольно прикусила губу: прямо за спиной мужа пронесся

сутулый носильщик с пустой тележкой, смазав задний план в серое пятно.

— Смазано. Дубль два, — объявила она, снова поднимая камеру. — Тёма?

Но Артёма в фокусе уже не было. Он сделал несколько шагов в сторону стеклянного павильона с вывеской «Relay», завороченно глядя на светящуюся витрину, где блестели стальные бока кофемашины и пирамиды круасанов.

— Лен, смотри, они еще пекут, — донесся его голос, теплый и беззаботный. — Возьмем два с миндалем? Мы же успеваем?

— Мы успеваем по графику, если не считать маленького апокалипсиса, который ты устраиваешь моей композиции, — проворчала она, опуская объектив.

Взгляд ее скользнул вниз, туда, где секунду назад стоял желтый чемодан.

У подножия урны лежала только серая бумажка от посадочного талона, медленно намокавшая в грязной лужице. Пространство между темным камнем и

деревянными рейками скамьи было абсолютно, стерильно пустым.

Лена моргнула. Посмотрела на Артёма, стоявшего в пяти метрах у витрины киоска. Снова на урну.

— Тёма, — позвала она очень тихо, но в этой тишине прозвенели натянутые струны. — А где вещи?

Артём обернулся, держа в руке бумажный стаканчик с салфетками. Его взгляд скользнул по платформе, скользнул по Лене, зацепился за пустоту у гранитной тумбы и вернулся к лицу жены. На секунду в глубине его карих глаз мелькнула тень досады, но он тут же мягко расправил плечи, делая шаг навстречу.

— Всё под контролем, честно, — произнес он тем самым тоном, которым обычно успокаивают взволнованных первоклассников перед прививкой. — Это не потеря, а временная смена географических координат.

— Координат чего, Артём?! — Лена стремительно подошла к урне, словно чемодан мог прятаться за ее десятисантиметровым выступом. Она даже заглянула за чугунную спинку скамьи. — Он весит пятнадцать килограммов!

Он ярко-желтый! Он не мог испариться под действием законов физики!

— Наверняка клинеры, — невозмутимо предположил он, обводя глазами полупустой перрон, где вдалеке уныло гудела уборочная машина с крутящимися щетками. — Французский сервис, борьба за чистоту путей. Увидели одинокий предмет, решили переместить в зону посадки. Сейчас найдем.

Лена судорожно расстегнула карман куртки и выдернула узкий кожаный блокнот, исписанный мелким убористым почерком. Страницы затрепетали от сырого сквозняка.

— Ровно сорок минут, — отчеканила она, тыча пальцем в строку «23:55 — заселение в отель, чай с лимоном, распаковка». — Через сорок минут консьерж в нашем крошечном пансионе на Сен-Луи запьет ключи от подъезда снотворным, потому что я лично писала ему три письма с мольбами дождаться полуночи! И самое главное: в этом чемодане всё. Мое платье. Твой пиджак. Зарядки. И...

Она осеклась, прикусив губу. Страх потерять тщательно выстроенный мир кольнул ее куда сильнее, чем перспектива остаться без сменного белья. В этом чемодане ехала

их идеальная пятилетняя годовщина, упакованная в вакуумные пакеты.

— Мы его вернем, — мягко сказал Артём.

Он поставил остывающий стаканчик на выступ скамьи и быстрым шагом направился вдоль состава. Его спокойствие сейчас действовало на Лену как красная тряпка, но она знала эту его повадку: снаружи — гранит, внутри — лихорадочный перебор вариантов. Артём нырнул за массивную квадратную колонну, проверил слепую зону за рекламным щитом с улыбающейся актрисой, заглянул в пространство между автоматом по продаже билетов и стеной. Пусто. Только обрывки оберточной бумаги и мокрый след от чьих-то колес.

— Лен, иди сюда, — позвал он, махнув рукой в сторону центрального пролета вокзала.

↗ *Марк Лебрэн*

Она подбежала, на ходу пряча блокнот в сумку. Над центральным табло, где мерцали бесконечные строчки ночных рейсов до Марселя и Лиона, ядовито-оранжевым цветом ползла бегущая строка на французском и английском: *«Внимание! Оставленный без присмотра багаж подлежит немедленной утилизации или передаче специальным службам безопасности в рамках плана

Vigipirate»*.

— Vigipirate, — по слогам прочитала Лена, и ее голос дрогнул. — Тёма, они его взорвут.

— Никто ничего не взорвет, — он перехватил ее холодные пальцы и сжал их в своей широкой теплой ладони. — Во-первых, наш чемодан слишком жизнерадостный для бомбы. Во-вторых, здесь круглосуточное справочное бюро. Пойдем.

Они пересекли гулкий центральный зал, стуча подошвами по зеркальному полу, в котором отражались чугунные кружева потолочных балок. В углу, под светящейся

буквой «i», темнело полукруглое остекление информационного центра.

Лена первой налетела на стеклянную перегородку.

За стойкой не было ни души. Компьютерные мониторы спали черными прямоугольниками. А прямо по центру прозрачной двери висел плотный лист бумаги в пластиковом файле, прикрепленный полоской малярного скотча. На нем жирным черным маркером было выведено небрежное, почти издевательское:

«Fermé jusqu'à 06h00. Pour les urgences, adressez-vous à la police de la gare (quai 1)».

— Перерыв до шести утра, — перевела Лена мертвым голосом. Она медленно повернулась к мужу. — Шесть часов утра, Артём. Пять лет нашей свадьбы мы встретим, сидя на чугунной лавке в компании миндальных крошек и твоего оптимизма.

— Зато в Париже, — попытался улыбнуться он, но уголок его рта едва заметно дрогнул. — И полиция на первом пути. Мы просто объясним ситуацию.

Служебный отсек в торце первого перрона напоминал бункер, чудом затесавшийся в памятник архитектуры девятнадцатого века. Серая металлическая дверь, зарешеченное узкое окно и мутное бронированное стекло дежурной части, за которым виднелась плешивая макушка мужчины в темно-синей униформе.

Лена шагнула вперед и решительно постучала костяшками пальцев по стеклу. Звук получился глухим, деревянным.

Человек за стеклом даже не шелохнулся. Он методично водил толстым пальцем по строчкам какого-то ведомственного бланка.

Лена постучала громче, прижимая к груди висящий на шее фотоаппарат, словно щит.

— Pardon, monsieur! S'il vous plaît! — ее французский, выученный по разговорникам и сериалам, трещал по швам от подступающих слез.

Мужчина медленно поднял тяжелые веки. У него были усталые водянистые глаза и пышные седые усы, делавшие его похожим на моржа в отставке. Он бросил безучастный взгляд на Лену, затем на Артёма и нехотя нажал кнопку интеркома на пластиковой панели. Динамик над их головами зашипел, обдав запахом горелой пыли.

— Oui? Qu'est-ce qu'il y a?

Артём шагнул вперед, мягко отстраняя жену плечом. Он положил обе ладони на алюминиевый прилавок перед стеклом, наклонился к микрофону и заговорил своим самым бархатным, низким голосом, тщательно подбирая слова:

— Bonsoir, monsieur. Прошу прощения за беспокойство в столь поздний час. Мы только что прибыли поездом из

Женевы. Десять минут назад на третьей платформе произошла досадная ошибка. Наш багаж... *un bagage jaune*, ярко-желтый кофр... исчез, пока мы делали снимок. Понимаете, сегодня годовщина нашей свадьбы. Пять лет. *C'est très important pour nous*. Можем ли мы взглянуть на записи камер наблюдения? Буквально две минуты назад!

Служащий слушал эту тираду с выражением глубокой вселенской скорби. Когда Артём замолчал, француз даже не моргнул. Он медленно поднял руку с обкусанным ногтем на указательном пальце и ткнул в приклеенную к стеклу ламинированную карточку.

Там на трех языках было написано, что доступ к камерам видеонаблюдения предоставляется исключительно по официальному запросу префектуры полиции при наличии протокола об уголовном преступлении, срок рассмотрения которого составляет от трех до четырнадцати рабочих дней.

— *Règles de sécurité*, — сухо проскрипел интерком. — *Sans déclaration officielle, rien à faire. Revenez demain à huit heures.*

— Какое «завтра»?! — вспыхнула Лена, снова придвигаясь к самому стеклу. — *Monsieur, écoutez-moi!* В чемодане нет ничего опасного! Там платье! Платье из бархата, по-

нимаєте? Une robe! Какая префектура, нам через полчаса негде будет спать!

Усач с непроницаемым лицом потянулся к цепочке и с сухим треском опустил серые пластиковые жалюзи прямо перед их носами.

— Эй! — Артём ударил ладонью по подоконнику, и его олимпийское спокойствие впервые дало крошечную трещину. — Monsieur!

За закрытыми жалюзи послышался металлический щелчок, глухой лязг тяжелого засова и треск рации. Сквозь пластиковые рейки долетел обрывок чужого, командного голоса из радиоэфира:

— ...secteur B-14, colis suspect confirmé... intervention immédiate...

Лена замерла, вцепившись в рукав Артёма так, что побелели пальцы.

Через секунду динамик интеркома над дверью снова щелкнул, но на этот раз заговорил не дежурный за стеклом. Глухой, раскатистый голос эхом прокатился под стальными сводами вокзала, усиленный десятками репродукторов:

— Внимание службам безопасности и пассажирам сектора три. Неопознанный багаж желтого цвета с перрона номер три опечатан и перевезен в терминал В-14. Допуск гражданских лиц заблокирован до прибытия начальника ночной смены господина Мерсье. Повторяю: терминал В-14 закрыт.

Жерар Мерсье ☺

ГЛАВА 2

Неприступный склад

Терминал В-14 прятался в самом брюхе вокзала, куда вела узкая служебная лестница с облупившейся масляной краской на перилах. Здесь пахло сырым бетоном, машинным маслом и безнадежностью казенных учрежде-

ний. За массивной перегородкой из бронированного стекла, расчерченной тонкой паутиной защитной сетки, сидел человек, чья осанка могла бы послужить эталоном для палаты мер и весов. Темно-синий китель Жерара Мерсье сидел без единой морщины, латунные пуговицы с эмблемой национальной железнодорожной компании сияли так, будто их полировали перед зеркалом каждые пятнадцать минут, а безупречно завязанный малиновый шелковый галстук казался негибкой планкой жесткости.

Жерар Мерсье методично, с каллиграфической неспешностью выводил подпись на толстой стопке путевых листов перьевой ручкой.

Артём подошел к стойке, стараясь дышать ровно. Он привык гасить офисные конфликты одним спокойным наклоном головы, но здесь воздух был густым от невидимых инструкций.

— Bonsoir, monsieur, — начал Артём негромко, положив раскрытый синий загранпаспорт на деревянный прилавок перед круглым зарешеченным окошком. — Произошла чудовищная нелепость. На перроне номер три дежурные забрали наш багаж. Ярко-желтый чемодан. Он принадлежит мне и моей супруге. Мы готовы предоставить любые удо-

стоверения, ответить на любые вопросы и немедленно освободить вас от бумажной работы.

Мерсье не поднял головы. Перо скрипнуло по шершавой бумаге, завершая витиеватый росчерк.

— Параграф сорок два внутреннего регламента железнодорожного сообщения пятой республики, — отчеканил он на чистейшем, ледяном французском, в котором гласные звучали как щелчки затвора. — Выдача багажа, изъятая мобильной группой антитеррористического контроля, производится исключительно при предъявлении номерного багажного талона TGV со штрихкодом вагона и личной верификационной меткой контролера.

— Разумеется, — Артём ободряюще глянул через плечо на Лену, которая замерла в трех шагах позади, вцепившись пальцами в ремень висящего на груди «Никона». — Билеты и квитанции. Одну секунду.

Он сунул руку в правый карман куртки. Пальцы нащупали смятую фольгу от мятных леденцов, два старых билета на пригородную электричку полугодовой давности и замусоленный чек из женевской кофейни, на котором расплылась круглая коричневая клякса от эспрессо. Артём полез в карман джинсовой рубашки. Там нашлась зубочистка и пластиковая заглушка для объектива, которую

Лена потеряла еще в Альпах. В заднем кармане чиносов было пусто. Во внутреннем отделении куртки обнаружился лишь плоский бумажник, из которого сиротливо торчал уголок водительских прав.

Багажный талон с двенадцатизначным кодом, отпечатанный на длинной термоленте, испарился. Точно так же, как в прошлом месяце испарились ключи от гаража, а за неделю до этого — гарантийный талон на кухонный комбайн.

— Это временная смена географических координат бумажного носителя, — вполголоса пробормотал Артём, выворачивая подкладку карманов наружу. На прилавок посыпались табачные крошки и крошечный винтик от оправы солнечных очков. — Monsieur Мерсье, я потерял квитанцию. Но чемодан — наш! Вон он стоит.

Он вытянул руку, указывая сквозь толщу стекла в глубину служебного бокса. Там, посреди серых деревянных паллет, в тяжелой металлической клетке с навесным пломбировочным тросом, горел веселым солнечным пятном их поликарбонатный беглец. На ручке чемодана трепыхалась ядовито-красная лента с черной надписью *«DANGER / SUSPECT»*.

Жерар Мерсье наконец поднял глаза. Его веки были тяжелыми, а радужка отливала холодной оружейной сталью. Тонкие, словно прочерченные скальпелем усы над сжатыми губами не дрогнули ни на миллиметр.

— Без квитанции объект признается не востребова-
ным и потенциально несущим скрытую детонационную
угрозу третьей степени, — бесстрастно произнес надзира-
тель, аккуратно закрывая колпачок ручки до металличе-
ского щелчка. — Регламент исключений не предусматри-
вает, monsieur. В пять сорок утра специальный брониро-
ванный вагон доставит опечатанный сектор В-14 на цен-
тральный таможенный терминал Лиона для глубокого ра-
диографического сканирования и последующей химиче-
ской нейтрализации.

— Какая нейтрализация?! — Лена шагнула к прилавку,
ее голос сорвался на высокой ноте. — Там нет химии! Там
крем для лица за сорок евро и бархатное платье! Месье,
мы женаты пять лет, понимаете? Ровно сегодня! Мы копи-
ли на эту поездку полгода, а вы собираетесь везти наши
вещи в Лион?!

Мерсье даже не посмотрел на нее. Его взгляд уперся в
настенные стрелочные часы, отмерявшие полночь тяже-
лыми, чугунными ударами механизма.

— Порядок — это то, на чем еще держится эта планета, мадам, — проговорил он, и в его сухом голосе проступила усталость человека, похоронившего под параграфами слишком много чужих жизней. Он протянул узловатую ладонь к пульту на стене и повернул тугой черный тумблер. — Процедура погрузки переведена в автоматический режим. Доступ прекращен.

С противным механическим скрежетом толстая бронезаслонка из рифленой стали поползла вниз по направляющим пазам. Лена рванулась вперед, но Артём успел перехватить ее за талию, утягивая назад. Заслонка рухнула на гранитный прилавок с оглушительным металлическим грохотом, отрезав свет, чемодан и непроницаемое лицо месье Мерсье. В наступившей гулкой тишине подвального коридора монотонно застрекотал электронный таймер погрузочного терминала: *05:39:59... 05:39:58...*

В зале ожидания третьего сектора царило сонное запустение. Единственный уцелевший автомат продавал только растворимый цикорий и минеральную воду без газа. Холодный сквозняк гонял по кафельному полу обертку от круассана.

Лена сидела на ледяной чугунной скамье, сгорбившись и уткнувшись носом в воротник грубого свитера. Ее плечи мелко вздрагивали. Она стащила с объектива защитную крышку, натянула край рукава на указательный палец и с ожесточением принялась тереть стеклянную линзу, словно пытаясь стереть саму реальность этого вечера. Стекло тихо поскрипывало.

Артём опустил рядом. Чугун скамьи мгновенно прошил холод даже через плотную ткань чиносов. Он осторожно, боясь спугнуть остатки ее хрупкого самообладания, накрыл ладонью ее пальцы, сжимавшие камеру. Кожа у Лены была ледяной.

— Перестань, ты поцарапаешь просветление, — мягко сказал он.

Она не отдернула руку, но пальцы ее под его ладонью сжались в кулак.

— Какая разница, Тёма? Какая теперь разница? — Лена шмыгнула носом, сердито смахивая влагу с ресниц свободной рукой. — Наш отель на Сен-Луи... мы опоздали. Консьерж спит. Наше вино, которое я выбирала по каталогам две недели, осталось в багаже. Твой костюм. Мое платье. Письма... Мы должны были стоять на мосту Искусств на рассвете, читать клятвы, как дураки, пить из горла и

фотографировать туман над Сеной. А вместо этого мы сидим на вокзале, как два бомжа, у которых отобрали даже зубные щетки. Без платья и без наших памятных вещей это не юбилей. Это просто... дешевый водевиль.

Артём повернулся к ней всем корпусом. Его темные глаза, окруженные сеткой усталых морщинок, смотрели прямо и тепло, выдерживая эту бурю без малейшей тени обиды или раздражения.

— Посмотри на меня, — попросил он, и в его бархатном тембре зазвучала та упрямая, спокойная нежность, ради которой она пять лет назад согласилась уехать с ним на сломанной «девятке» в грозу за двести километров от дома. Лена неохотно подняла глаза. — Платье — это просто кусок ткани. Очень красивый, согласен. Но клятву я давал не бархату. И рассвет над Сеной никуда не денется, даже если мы встретим его в растянутых свитерах и с синяками под глазами. Главное — мы здесь. Вдвоем.

— Мы здесь без вещей и без крыши над головой, оптимист ты мой неисправимый, — сдавленно пробормотала она, но плечи ее немного опустились.

— Не совсем, — Артём ободряюще сжал ее ладонь. — У нас есть запасной аэродром. Помнишь ту крошечную студию на Монмартре, которую я бронировал на вторую

часть недели через приложение? Ключ там лежит в кодовом мини-сейфе прямо у двери подъезда. Никаких сонных консьержей с синдромом вахтера. Мы сейчас берем такси, едем туда, принимаем горячий душ, отпаиваем тебя чаем, распечатываем из почты электронные квитанции TGV с гребаным штрихкодом вагона и к пяти утра возвращаемся сюда. И наш железный Мерсье лично отдаст нам чемодан, еще и честь отдаст. Идет?

Лена тяжело вздохнула. Взгляд ее упал на часы: 00:35. Надежда на теплый душ и сухое убежище перевесила гордость.

— Идет, — тихо согласилась она, поднимаясь на ноги и поправляя ремень камеры. — Но если Мерсье не отдаст чемодан, я сниму его на длинной выдержке с самой отвратительной гримасой и отправлю во все префектуры Парижа.

Она достала из бокового кармана рюкзака большой прозрачный зонт-трость, с глухим щелчком расправила широкий пластиковый купол и решительно кивнула в сторону стеклянных автома-

тических дверей, за которыми беспросветной черной стеной шумел ночной ливень.

Париж встретил их не кинематографичной романтикой, а оплеухой ледяного ветра, пахнущего мокрым асфальтом и выхлопными газами. Вода падала с неба сплошными упругими канатами. Широкий купол прозрачного зонта натянулся, заскрипел под напором шквала, но Артём перехватил ручку чуть выше ладони Лены, удерживая шаткое укрытие от падения.

Они сбежали по скользким гранитным ступеням парадной лестницы Лионского вокзала к стоянке такси. Огромная привокзальная площадь мерцала тысячами расплывчатых неоновых отражений: красные хвосты стоп-сигналов, ядовито-белые вспышки фар, маслянистые лужи, вскипающие от падающих капель.

— Вон свободный! — крикнула Лена, перекрывая гул стихии, и махнула рукой.

Черный «Пежо» с горящим зеленым огоньком на крыше пронесся мимо них на полной скорости, даже не притормозив, и окатил гранитные тумбы высоким веером грязных холодных брызг. Артём едва успел заслонить Лену полкой своей куртки, приняв удар мутной жижи на джинсовую ткань рукава.

— Французское гостеприимство набирает обороты, — сплюнул он, смахивая капли со щеки. — Стой здесь, под козырьком. Я сам выловлю машину.

Следующее такси остановилось в двадцати метрах, но к нему тут же с визгом подскочила шумная компания студентов с мокрыми рюкзаками и вломилась в салон раньше, чем Артём успел сделать три шага по затопленному тротуару. Вода мгновенно промочила его старые кожаные кроссовки, превращая подошвы в ледяные компрессы.

Лена зябко переступила с ноги на ногу, прижимая прозрачный купол зонта к плечу. Воротник ее свитера уже темнел от влаги, напитавшейся из сырого воздуха.

— Ладно, черт с ними, с машинами, поедем на ночном автобусе, я видела остановку за углом! — крикнула она, повышая голос сквозь дробный грохот дождя по пластику. — Тёма, продиктуй мне адрес и код от парадной на Мон-мартре. Я сейчас забью маршрут в оффлайн-карты, пока телефон не сел. Там семь процентов осталось.

Артём кивнул, стряхивая воду с пальцев.

— Сейчас. Хозяин присылал подтверждение с полным описанием сейфа, я все распечатал перед вылетом, чтобы не зависеть от интернета.

Он расстегнул куртку, сунул руку во внутренний карман джинсовой рубашки. Пусто. Проверил второй карман. Пальцы нащупали лишь картонную пачку влажных салфеток. Он лихорадочно полез в боковые карманы, затем — в задние, перетряхивая все швы. Движения его становились все быстрее, теряя обычную размеренную плавность.

В памяти с пугающей, кинематографической четкостью всплыл утренний аэропорт: кофе на стойке регистрации, Лена, примеряющая берет в дьюти-фри, и он

сам, аккуратно складывающий плотный крафтовый конверт с распечатками брони, кодами от дверей и пластиковой картой-ключом от монмартрской квартиры.

Он не убрал конверт в рюкзак. Рюкзак был забит до отказа объективами и запасными аккумуляторами.

Он бережно, собственноручно засунул этот пухлый конверт в наружный плоский карман на молнии.

В наружный карман их ярко-желтого чемодана, который прямо сейчас стоял в опечатанной стальной клети терминала В-14 под охраной непреклонного месье Мерсье.

Артём замер посреди хлещущих струй ливня, опустив руки вдоль тела. Вода текла по его темным бровям, срывалась с кончика носа и затекала за воротник, но он этого даже не заметил.

— Тёма? — позвала Лена, и в ее голосе сквозь шум бури прорезалась новая, острая нота тревоги. — Ты чего застыл? Какой код?

Артём медленно поднял на нее глаза. Взгляд его был абсолютно, кристально трезвым.

— Код, ключи и адрес лежат в кармашке, — сказал он, и ливень заглушил окончание фразы, но по его губам Лена прочитала всё с пугающей ясностью. — В чемодане, Лен. Всё осталось в чемодане.

ГЛАВА 3

Запах круассанов и тревоги

Капли размером с виноградину разбивались о макушку с тупым, монотонным стуком. Лена бежала по скользким, отполированным веками округлым булыжни-

кам, сутулясь так, словно пыталась спрятать под крупной вязкой шерстяного свитера не ретро-камеру, а контрабандного котенка. Металлический корпус больно тыкался в ребра при каждом шаге, но выпустить ремень она не могла: аппаратура стоила трех ее зарплат и доброй половины душевного покоя.

— Держись ближе к карнизам! — крикнул Артём, перекрывая рев водосточных труб.

Но карнизы в узком переулке Сен-Жермен не спасали. Старинные желоба захлебывались, извергая с высоты четырех этажей пенящиеся ниагары. Ветер налетел из-за поворота внезапно, словно затаившийся в подворотне карманник. Он ударил снизу вверх, прямо под прозрачный купол. Раздался противный металлический визг, сухой щелчок лопнувшей спицы, и зонт вывернуло наизнанку, превратив изящную конструкцию в ошетилившийся обломок паучьей лапы. Полиэтилен лопнул по шву с треском рвущегося паруса, захлестнул Лене лицо мокрым липким полотном, а порыв ветра окончательно выломал тонкую полую трубку у основания ручки.

— Да чтоб тебя! — Лена отшвырнула бесполезный огрызок пластика в сторону водостока.

Холодный шквал моментально швырнул горсть колючей воды ей в лицо, залепляя глаза прядями каштановых волос. В то же мгновение перед ней возникла спина Артёма. Он встал вплотную, раскинув руки, принимая на свою насквозь вымокшую джинсовую рубашку основной поток ледяной каши. Темная мокрая ткань облепила его широкие плечи, пар от его дыхания вырывался короткими толчками.

— Все нормально, мы просто тестируем гидроизоляцию, — его низкий голос сквозь зубы звучал хрипло, но в нем все еще угадывалось то железобетонное упрямство, которое Лена одновременно обожала и ненавидела. — Смотри по сторонам. Должен же быть хоть один гребаный козырек!

Лена дрожащими пальцами забралась под воротник свитера, нащупала тумблер питания камеры и повернула его. Маленький экранчик вспыхнул бледным зеленоватым светом и тут же пошел рябью. По внутренней стороне защитного стекла ползли мутные, маслянистые капли конденсата. Влага просочилась сквозь байонетное кольцо.

— Тёма, объектив... — ее голос сорвался на свист. — Дисплей внутри запотел. Если закоротит матрицу, все кадры за пять лет... вся поездка...

Она запнулась о торчащий базальтовый камень, колени подогнулись, но Артём сгреб ее за локоть, почти оторвав от земли и прижав к своему мокрому боку.

— Ничего не закоротит. Я запрещаю ей закорачивать, — отрезал он, вглядываясь в темные колодцы чужих закрытых дворов. Вдоль первых этажей тянулись глухие стальные жалюзи, намертво запертые на навесные замки решетки антикварных лавок и темные амбразуры окон. Париж спал под шум ливня сытым, непроницаемым сном, наглухо заперев двери перед двумя дураками без зонта.

И тут, метрах в пятидесяти впереди, за кривым коленным переулком, из сплошной серой хмари проступило мягкое янтарное пятно. Сквозь толщу струящейся по стеклам воды мерцал большой круглый фонарь из матового желтого стекла, под которым золотилась выведенная витиеватой вязью надпись: *«Boulangerie Chez Cécile»*. Из узкой щели вытяжки над водостоком прямо в ледяную стынью улицы вырывалась струя горячего воздуха, пахнущего поджаристой мукой, топленым маслом и жженым сахаром.

Артём не стал церемониться с деревянной рамой. Он прислонил Лену к косяку, загораживая ее от ветра соб-

ственным плечом, и забарабанил костяшками пальцев прямо в запотевшее витринное стекло, рядом с надписью «Ouvert à 06:00». Звук получился гулким, тяжелым.

Внутри пекарни колыхнулись тени. В полумраке зала, освещенного лишь аварийной лампой над кассой и багровым заревом из открытого зева печи в глубине, задвигалась низенькая плотная фигура. Раздалось шарканье резиновых подошв, и над дверью резко, с перезвоном звякнул медный колокольчик. Дверь приоткрылась всего на два дюйма, удерживаемая изнутри толстой латунной цепочкой.

В образовавшуюся щель высунулся круглый нос, круглые роговые очки, запотевшие ровно наполовину, и кончик увесистой деревянной скалки из светлого бука.

— Fermé! Закрыто! — проскрипел сердитый, но певучий голос с раскатистым грассированием. Из-под наспех завязанного серебристого пучка волос выбилась седая прядь. Хозяйка воинственно качнула скалкой. — Ночью пекут хлеб, а не торгуют зубами на пороге! Приходите к шести, дети мои, когда снимут пробу с багетов, а сейчас брысь! У меня опара на бриоши не терпит сквозняков!

— Мадам, пожалуйста! — Артём уперся ладонью в деревянную филенку двери, не давая защелкнуть замок, и сделал шаг в сторону, открывая взгляду старушки Лену.

Лена стояла под косым дождем, прижав к груди камеру под свитером, с посиневшими губами и мокрыми волосами, прилипшими к впалым щекам. Ее колотила такая крупная, неостановимая дрожь, что зубы выбивали четкую барабанную дробь о край шерстяного ворота.

— Нам не нужны багеты, мадам. Нам нужно пять минут сухого воздуха, — произнес Артём, и в его низком голосе пробились непривычная, обнаженная мольба, начисто лишенная обычной шутливой брони. — Моя жена замерзнет до воспаления легких прямо на вашей мостовой. Пять минут у печи, и мы уйдем. Ради всего святого.

Круглые ореховые глаза за толстыми линзами моргнули раз, другой. Скалка опустилась. Хозяйка шумно втянула воздух сквозь щель между передними зубами, окинула взглядом ручки, стекавшие с Артёмовых локтей на ее выметенное крыльцо, и всплеснула пухлыми, перепачканными белой мукой руками.

— О-ля-ля, дети мои! — запричитала она, с грохотом сдергивая латунную цепочку с паза. — Вы что, упали в Сену вместе с одеждой?! Ни один брак еще не погиб от до-

жда, если в желудке есть горячий круассан, но вы же сейчас зальете мне весь дубовый паркет! Живо, живо внутрь, пока сквозняк не остудил печь!

Дверь распахнулась настежь, и волна ошеломляющего, почти осязаемого тепла ударила им в лица. Воздух внутри был густым, плотным, напоенным ароматами свежей опары, ванили, топленого молока и сухих трав.

Артём бережно втокнул Лену в спасительный полумрак торгового зала, переступил порог сам и с глухим стуком захлопнул дубовую створку, отрезая ледяной рев парижской ночи.

На плечи Лены опустилась тяжелая, пахнущая сухой лавандой и овечьей шерстью шаль. Сесиль Бонне, не прекращая издавать возмущенные вздохи, метнулась за стойку, с грохотом переставила медный чайник на электрическую плитку и выставила на темный деревянный стол две толстостенные керамические чашки.

— Пейте, пейте сейчас же, — командовала она, наливая темный, пахнущий медом и полевыми цветами настой. Пар от чашек поднимался ровными, сладкими столбами. — Лаванда с липовым цветом. Это вернет кровь в ваши несчастные конечности. И снимите эту мокрую дерюгу, на вас же страшно смотреть!

↗ Сесиль Бонне

Лена обеими ладонями вцепилась в горячую глину чашки, впитывая тепло онемевшими подушечками пальцев. Первый глоток обжег язык, но пролился внутрь спасительным жидким пламенем. Она осторожно положила отсыревшую камеру на край сухого льняного полотенца, которое хозяйка бросила на стол, и подняла глаза на Сесиль. Взгляд пожилой парижанки в ярком цветочном фартуке поверх сиреневого кардигана был цепким, добрым и не знающим пощады к чужим секретам.

— Вы сбежали от родителей? — выпалила Сесиль, опершись кулаками о бока. — В наше время так бегали только несовершеннолетние поэты из провинции.

— Нам за тридцать, мадам, — криво усмехнулся Артём, стягивая мокрую рубашку и оставаясь в темно-серой футболке, которая тоже успела отсыреть на плечах. — И мы женаты пять лет. Сегодня.

— Юбилей, — тихо добавила Лена, и ее губы снова задрожали, но уже не от холода, а от нахлынувшей глупой, детской обиды. — Мы должны были пить вино на набережной. У меня было бордовое бархатное платье. А все вещи... все наши документы, ключи от бронированного жилья, клятвы, подарки — все заперто в желтом чемодане на Лионском вокзале. Его сочли бомбой, понимаете? Терминал В-14.

— А местный начальник смены оказался не человеком, а чугунной тумбой с набором инструкций, — мрачно подхватил Артём, отхлебывая чай. — Фамилия у него еще такая... кулинарная. Мерсье. Жерар Мерсье. Сказал, что отправит наши вещи спецпоездом в Лион в пять сорок утра на химическое уничтожение, захлопнул перед носом бронезаслонку и включил таймер.

В пекарне воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в большой подовой печи.

Сесиль Бонне застыла посреди зала с тяжелой железной лопаткой для выемки бриошей в руке. Ее круглые

щеки внезапно пошли багровыми пятнами, роговые очки съехали на кончик носа, а серебристый пучок на макушке, казалось, встал дыбом от праведного негодования.

— Жерар?! — взвизгнула она так, что медные формочки на стенах отозвались тонким звоном. — Мой полоумный двоюродный братец Жерар?! Этот старый сушеный индюк, у которого вместо сердца расписание пригородных поездов за семьдесят восьмой год?!

Она с размаху опустила железную лопатку на деревянный стол. Грохот заставил Лену подпрыгнуть на стуле, расплескав лавандовый чай на блюде.

— Он смеет уничтожать чужие платья на юбилей?! — Сесиль заметалась вокруг стола, ее виниловые ярко-красные сапоги яростно скрипели по натертому полу. — Четыре года! Четыре года я не разговариваю с этим бараном, с тех самых пор, как он отказался есть мой пирог с кроликом на Рождество, заявив, что в нем нарушена рецептура префектуры Нормандия! Четыре года он сидит в своем подвале, обложившись параграфами, потому что собственная жена сбежала от него с инструктором по танго в Ниццу! И теперь этот сухофрукт портит праздник невинным влюбленным?!

Она резко затормозила перед ошеломленным Артёмом, ткнув пальцем в муке ему прямо в переносицу.

— Вы не отдадите ему свой чемодан, слышите меня?! Ни за что на свете! Мы покажем этому вокзальному инквизитору, что жизнь — это не свод гребаных директив национальной железной дороги!

Сесиль решительно развернулась, подошла к массивному прилавку из темного ореха, наклонилась и полезла куда-то в самые темные недра нижних полок, заставленных мешками с мукой высшего сорта. Раздался глухой стук отодвигаемого ящика, затем тяжелый металлический лязг.

Когда хозяйка выпрямилась, на ее пухлой ладони тускло блеснуло огромное железное кольцо, на котором звенели не меньше десятка длинных, зазубренных, покрытых темной патиной ключей старого образца.

Сесиль заговорщически сощурила ореховые глаза за толстыми стеклами, наклонилась к молодым людям и подмигнула с таким видом, словно предлагала им ограбить Банк Франции:

— Мой покойный Пьер тридцать лет работал старшим инженером вентиляционных систем Лионского вокзала,

дети мои. До терминала В-14 можно дойти под землей прямо из моей пекарни, если знать, где свернуть у дренажной трубы. И поверьте старой Сесиль: сегодня ночью мой драгоценный кузен получит такой круассан с начинкой, который он не забудет до самой пенсии.

ГЛАВА 4

Следы на мостовой

С есиль развернула бурную деятельность с ловкостью полководца, знающего каждый вершок родного гарнизона. Не дав супругам опомниться, она сорвала с гвоздя у рукомойника широкий прорезиненный плащ ядовито-

горчичного оттенка и одним рывком набросила его на плечи Лены. Капюшон тут же сполз девушке на брови, превратив ее в подобие нахохлившегося светляка.

— Не вертись, девочка моя, это лучший винил Нормандии, его никакой пар не пробьет, — приговаривала хозяйка, застегивая тугие пластиковые кнопки под Лениным подбородком. — А ты, красавец, надевай вот это. Без реквизита под землю соваться — верная путевка в комиссариат.

В руки Артёма шлепнулся плотный полотняный фартук, густо припорошенный белой крупчаткой, а следом на голову приземлился жестко накрахмаленный гофрированный колпак высотой чуть ли не в локоть.

— Мадам Бонне, при всем уважении, проникать на охраняемый железнодорожный узел — это уже уголовный кодекс, — слабо запротестовала Лена, пытаясь высвободить из широкого рукава хотя бы пальцы. — Если нас поймают в таком виде, французская жандармерия решит, что мы сбежали из бродячего шапито.

— Глупости! — отрезала Сесиль. — Ночная доставка горячей сдобы для железнодорожного буфета платформы номер четыре. Мой Пьер лично согласовывал этот маршрут еще при президенте Миттеране!

Она смела ладонью с разделочного стола слой муки и с глухим стуком раскатала тяжелый рулон кальки, прижав углы банками с дрожжами. Бумага, пожелтевшая и покрытая коричневыми кругами от кофейных чашек, явила взору Артёма сложнейшую паутину чертежей. Линии вентиляционных шурфов, дренажных штолен и кабельных коллекторов переплетались в геометрический ребус.

— Смотрите сюда, — палец Сесиль, украшенный серебряным перстнем с бирюзой, постучал по жирной тушевой стрелке. — От моего погреба через старую угольную яму вы выходите в магистральный коллектор шестой ветки. Идете прямо, никуда не сворачивая, ориентируясь на трубы горячего водоснабжения. Они обмотаны стекловатой. Дойдете до развилки с чугунной заслонкой, где написано «SNCF-1964». Там поворот налево, вверх по железным ступеням — и вы у служебного грузового подъемника. Он привезет вас прямо к тыльной стене багажного депо, прямо под нос к сектору В-14.

Пока Артём запоминал изгибы линий, Лена бережно достала из-под свитера фотоаппарат. Защитное стекло окуляра все еще несло на себе мутные следы конденсата, но тяжелый металлический корпус уже отогрелся. Она щелкнула тумблером питания, выставила максимальное значение ISO и проверила ход колеса ручной фокусиров-

ки. Затвор сухо и уверенно отозвался на пробное полунажатие.

— Оптика жива, — тихо выдохнула она, и в ее голосе прозвучала первая за этот сумасшедший вечер нота деловитого спокойствия.

— А вот и ваше алиби, — Сесиль водрузила на угол стола пузатую плетеную корзину, накрытую расшитым петухами вафельным полотенцем. Из-под ткани струился умопомрачительный, густой дух свежее испеченного сливочного теста и ванили. — Если встретите обходчика, сделайте лицо попроще и скажите: «L'inspection de nuit, monsieur». И суньте ему круассан. Ни один француз в форме не станет арестовывать человека, несущего теплую выпечку. Это против законов природы.

Она провела их через жаркую пекарню в дальний угол, где за тяжелой дубовой дверью скрывался сырой колодец заднего двора. Дождь все так же хлестал по булыжникам, но стены глубокого каменного мешка защищали от шквального ветра. Сесиль присела на корточки перед не приметной железной створкой, замаскированной под ящички для пустой стеклотары, вставила один из длинных фигурных ключей в закисшую замочную скважину и с натугой провернула его трижды. Металл жалобно скрип-

нул. В открывшийся темный зев пахнуло сыростью, машинным маслом и теплым дыханием огромного подземного организма.

— В добрый час, дети мои, — перекрестила их Сесиль. — И помните: если встретите Жерара, не вздумайте хвалить его галстук. Он носит его с восемьдесят девятого года и ужасно этим гордится.

Низкий свод тоннеля давил на плечи сырой тяжестью. Под ногами хлюпала темная маслянистая жижа, текущая по узкому желобу вдоль стены, а над головой с пугающей регулярностью оживали чугунные перекрытия. Когда прямо над ними с громоподобным лязгом прополз тяжелый маневровый состав, стены задрожали, осыпая на плечи сухую штукатурку.

Лена вжалась спиной в неровную кирпичную кладку, инстинктивно прикрывая локтем висящую на шее камеру. Желтый подол ее дождевика коснулся грязной трубы. Дыхание перехватило, воздух казался густым от ржавчины и технического пара, струившегося из муфт с шипением потревоженной змеи.

— Эй, фотограф, ты как? — раздался рядом мягкий голос.

Артём осторожно пристроил плетеную корзину на металлический кабельный короб, протянул руку и аккуратно сдвинул с Лениного лба влажную рыжеватую прядь. Пальцы у него были удивительно теплыми. Он наклонился и коснулся губами ее мокрого от испарины виска.

— Жива, — выдохнула Лена, вцепившись пальцами в край его парусинового фартука. — Только что поняла, что пятилетие совместной жизни мы празднуем в канализации Третьей республики. Артём, нас же запрут. Приедут угрюмые жандармы в кепи, снимут отпечатки пальцев, позвонят в консульство...

Она запнулась, подняв на него глаза. В неверном желтоватом свете редких дежурных ламп Артём выглядел неопиcуемо: монументальный, широкоплечий, с аккуратной темной бородкой и в полуметровом белом колпаке, слегка съехавшем на правое ухо. На груди красовалась надпись «Chez Cécile», вышитая красными нитками по мучной ткани.

Лена прижала ладонь ко рту, но смешок все равно прорвался наружу — сначала короткий, нервный, а затем переросший в искренний, освобождающий смех.

— Что? — с абсолютной невозмутимостью осведомился Артём, поправляя головной убор тыльной стороной ладони. — Модельер Жан-Поль Готье продал бы душу за этот силуэт. Чистый парижский шик. Высокая кухня встречается с городским паркурром.

— Ты невыносим, — улыбнулась она, чувствуя, как отпускает ледяной зажим под ребрами. Страх не исчез, но стал каким-то плоским, уступив место пьянящему, азартному покалыванию в пальцах. — Господи, если бы мне пять лет назад в загсе сказали, что мы полезем по трубам за чемоданом, я бы... я бы согласилась еще быстрее.

— Ловлю на слове, — он сжал ее ладонь в своей. — Держись за меня. Корзина с углеводами прикрывает наш правый фланг.

Впереди, за клубами белесого пара, замаячила кованая решетка грузового подъемника. Стальной трос висел неподвижно, уходя в вертикальную шахту, на дне которой тускло мерцала латунная кнопка вызова платформы.

Механизм подъемника сработал с предательски громким щелчком, но вместо sireны раздалось лишь ленивое урчание гидравлики. Выскользнув из шахты на бетонный пол распределительного яруса, Артём тут же потянул Лену за рукав вниз, увлекая за высокую пирамиду из фанерных грузовых поддонов.

Здесь царил разрезанный складской полумрак. Пахло упаковочным картоном, сухой пылью и машинной смазкой. Огромный зал багажного терминала терялся во тьме высоченных металлических ферм, и лишь внизу, вдоль желтой демаркационной линии, горели люминесцентные

трубки, заливая холодным мертвенным светом ряды сетчатых вольеров.

— Вон он, — одними губами прошептала Лена, указывая пальцем между деревянными рейками.

Сектор В-14 находился всего в десяти метрах. За тяжелой ромбовидной сеткой, среди серых тюков и казенных ящиков, сиротливо и вызывающе пламенел их ярко-желтый чемодан. На его поликарбонатном боку тускло поблескивали знакомые латунные пряжки замков, а широкая полоса сигнальной ленты с надписью «ZONE DE SÉCURITÉ» обвивала ручку, словно траурный шарф.

Артём огляделся. Помещение казалось вымершим, лишь на дальнем конце эстакады монотонно мигал зеленый огонек погрузочного конвейера.

— Сиди здесь, — шепнул он, сбросил фартук и, пригнувшись, метнулся к решетчатой двери клетки.

Лена скользнула следом, бесшумно ступая подошвами сапог. Металлическая дверь вольера была перехвачена не тонкой цепочкой, как надеялся Артём, а массивным амбарным навесным замком из вороненой стали.

— Дай шпильку, — тихо бросил он, присев на корточки перед замочной скважиной.

Лена торопливо выдернула из волос длинную металлическую невидимку, пряди рассыпались по плечам. Артём разогнул проволоку, протиснул тонкий кончик в щель механизма и замер, чутко прислушиваясь к внутренним щелчкам цилиндра. Старый замок мертво молчал. Зубья секретной личинки внутри были рассчитаны на грубый трехгранный ключ, и тонкая сталь шпильки с тихим хрустом согнулась пополам.

— Черт, — выругался он сквозь зубы. — Тут монолит. Без лома не взять.

— Стой, отойди, — Лена присела рядом, просовывая руку в ячейку сетки.

Прутья впились в предплечье через винил дождевика. Чемодан стоял на дощатом помосте, всего в полутора метрах от края, но этого расстояния хватало с избытком, чтобы сделать его недосягаемым. Лена торопливо отстегнула длинный кожаный ремень от камеры, сделала на конце петлю-удавку и метнула ее сквозь прутья, целясь в широкую верхнюю рукоять багажа.

Ремень глухо шлепнул по пластиковому корпусу, пряжка соскользнула, не зацепившись. До цели не хватило каких-то несчастных двадцати сантиметров.

— Еще раз, — прошептала она, прикусив губу. — Сейчас поймаю...

Внезапно под потолком ангара с сухим треском вспыхнула мощная галогеновая лампа, залив площадку перед сектором резким слепящим светом. А из-за дальнего бетонного пилона, четко отбивая ритм по железным ступенькам переходного мостика, донесся тяжелый, размеренный стук подкованных форменных подошв Жерара Мерсье.

ГЛАВА 5

Гроза над Сеной

Шаги приближались, отдаваясь в висках коротким сухим молотом. Лена вжалась грудью в холодную проволочную вязь сектора В-14, почти физически ощущая, как утекают секунды. Охотничий азарт, еще минуту

назад толкавший вперед, сменился отчаянной, до звона в ушах, решимостью загнанного в угол хроникера. Она не уйдет отсюда с пустыми руками. Если этот деревянный истукан в фуражке требует доказательств, он получит их прямо на бумаге или на матрице — да хоть на куске упаковочного картона.

Краем рукава горчичного дождевика Лена торопливо стерла со стекла передней линзы мутный налет конденсата. Стекло отозвалось маслянистым фиолетовым бликом. Пальцы мелко дрожали, но когда она просунула узкую бленду объектива в ромбовидную ячейку сетки, ладони обрели привычную, рефлекторную твердость.

— Подсвети, — одними губами выдохнула она, не поворачивая головы. — Только не мигай. В правый угол, на крепление ручки.

Артём опустился рядом на одно колено. Его широкое плечо коснулось ее плеча — твердое, надежное, пахнущее подгоревшим сливочным маслом и сырой тканью. Он достал телефон, прикрыл ладонью светящийся экран, оставляя лишь узкую полоску белого сияния, и направил луч сквозь решетку.

Пятно света скользнуло по рифленому желтому боку чемодана, выхватывая из темноты маленькую прямо-

угольную пластинку. Латунь потускнела от дорожной пыли, но выбитые глубоким штихелем буквы «VOLKOV / VOLKOVA» проступили отчетливо. Это была их общая табличка — дурацкий сувенир, купленный на блошином рынке в первый год после свадьбы и привинченный Артёмом с кривой, но несокрушимой гордостью.

— Вижу, — шепнула Лена.

В полумраке ангара видеоискатель казался слепым ко-
лодцем. Зеленая шкала экспонметра судорожно ползла
вниз, требуя выдержки в добрых четыре секунды. Столько
времени у них не было: шаги начальника смены уже гуде-
ли на настиле переходного мостика. Оставался лишь один
путь — грубый, верный и самоубийственный.

Лена щелкнула тумблером на верхней панели старого
титанового корпуса. Конденсатор механической вспышки
отозвался тонким, комариным писком, накапливая заряд.
Звук этот в гулкой пустоте склада показался ей громче ко-
рабельного ревуна.

— Лена, не надо, — предостерегающе шепнул Артём,
пытаясь перехватить ее запястье. — Он уже на ярусе.

— Держи свет ровно.

Она задержала выдох на половине, поймала в центр кадра перекрестье латунных винтов и вдавила спусковую кнопку до упора.

Тяжелый шторный затвор лязгнул, и ангар разорвало белым магниевым ударом.

Вспышка была ослепительной, не знающей пощады к полумраку. На долю секунды огромный склад превратился в негатив самого себя: железные фермы перекрытий обнажили каждую заклепку, сотни окон дебаркадера на мгновение стали молочно-белыми зеркалами, а гигантские тени от поддонов взметнулись к потолку чудовищными крыльями. Латунная табличка на чемодане сверкнула так ярко, что на сетчатке остался ожог.

В следующий миг наступила тьма, показавшаяся непроглядной. А затем дебаркадер содрогнулся.

Под крышей с хриплым электрическим треском ожил аварийный клаксон. Сначала он взвыл на низкой, утробной ноте, словно разбуженный зверь, а потом перешел в пронзительный, вибрирующий вой, отражающийся от кирпичных стен и бетонного пола. Вдоль проходов вспыхнули рубиновые маяки охранной сигнализации, рассекая воздух тревожными кровавыми конусами.

Лена судорожно втянула камеру обратно через решетку, содрав кожу на костяшках пальцев. На крошечном дисплее горел четкий, геометрически безупречный кадр: желтый поликарбонат, царапина на латуни и выбитые латинские буквы.

— Снято, — выдохнула она, оборачиваясь к мужу.

Артём стоял во весь рост, заслоняя ее собой от переходного мостика. Сверху, перепрыгивая через три ступеньки железного трапа, уже неслись трое.

Жерар Мерсье двигался не как чиновник, а как артиллерийский снаряд, давно рассчитавший свою траекторию. Форменные ботинки впечатывались в бетон с сухим щелканьем, начищенные пуговицы кителя ловили багровые отблески сирены. За его спиной тяжело пыхтели двое вокзальных охранников в синих куртках с шевронами службы безопасности — молодые парни с растерянными лицами и резиновыми дубинками наготове.

Мерсье скрестил руки на груди, встав в пяти шагах от клетки В-14 и наглухо перекрыв узкий проход между рядами контейнеров. Его тонкие усы подрагивали от с трудом сдерживаемой ярости, а стальные глаза за тяжелыми веками буравили нарушителей с ледяной брезгливостью.

— Руки, — произнес он негромко, но этот глуховатый баритон легко перекрыл затухающий рев сирены, которую оператор наверху наконец перевел в беззвучный режим тревоги. — Положите руки на ограждение. Медленно.

Артём не стал делать резких движений. Он шагнул вперед, поднимая раскрытые ладони на уровень груди — жест открытый, примирительный, почти домашний.

— Месье Мерсье, доброй ночи. Мы не взломщики. Никакого криминала. У нас просто чрезвычайная ситуация, возникшая по моей... исключительно по моей вине.

— Проникновение в опечатанный терминал третьей категории доступа, — отчеканил Жерар, не шелохнувшись. Французские слова падали с его губ, как штампы на казенные бланки. — Умышленное повреждение опломбированных заграждений. Нарушение антитеррористического протокола Лионского узла. Регламент исключений не предусматривает, мсье. Жандармерия уже в пути.

— Подождите, — вмешалась Лена. Она обошла Артёма, держа аппарат обеими руками, словно щит, и повернула экран к инспектору. — Посмотрите сюда. Это наш чемодан. Вот гравировка: наши имена, адрес регистрации. Мы не собирались ничего ломать, мы просто хотели забрать свое! Мы приехали праздновать годовщину...

Мерсье сделал два чеканных шага вперед. Он даже не взглянул на экран. Его острый взгляд скользнул по ее растрепанным медным прядям, по мокрому подолу дождевика и остановился на одежде Артёма.

Инспектор замер. Ноздри его узкого носа дрогнули. Воздух вокруг супругов все еще хранил густой, предательский дух ночной Сен-Жермен: сладкую ваниль, сливочное масло и едва уловимую, сухую ноту горной лаванды.

Взгляд Жерара опустился на край парусинового передника, который Артём в спешке второпях запихнул под

пояс брюк, но не спрятал до конца. На белой ткани алели аккуратные стежки: «Chez Cécile».

Лицо инспектора мгновенно побелело, а затем скулы его залила густая, темная краска. Тонкие губы сжались в нить. Если до этой секунды перед ними стоял педантичный служака, охраняющий государственное имущество, то теперь перед ними был человек, получивший смертельную, глубоко личную пощечину.

— Вентиляция, — глухо произнес Жерар. Это не был вопрос. — Северный коллектор. Проклятые ключи покойного Пьера.

— Месье Мерсье, кухня всего лишь хотела помочь, — мягко попытался сгладить угол Артём, сделав полшага навстречу. — Она беспокоилась о вас. Сказала, вы слишком много работаете...

— Молчать, — оборвал его инспектор. Голос его звенел от ярости. — Вы позволили этой... этой взбалмошной торговке втянуть вас в уголовное преступление. Вы смешали дисциплину национальной железной дороги с бабьими сплетнями и кухонной благотворительностью. Порядок — это то, на чем еще держится эта планета. А вы устроили здесь цирк!

Он резко повернулся к старшему охраннику:

— Ключи от сектора. Живо.

Молодой парень торопливо протянул ему массивную связку. Жерар с лязгом сорвал замок, распахнул решетчатую дверь и вошел внутрь вольера. На мгновение у Лены мелькнула безумная надежда: он понял, он отдаст вещи сейчас, отругает и выставит вон.

Но Мерсье даже не прикоснулся к ручке желтого багажа. Из внутреннего кармана кителя он вынул плоский металлический планшет с накладными и толстый маркер с широким скошенным пером цвета свежей венозной крови.

— Подозрение на контрабанду запрещенных веществ с использованием служебных коммуникаций, — отдельно, словно диктуя приговор, произнес он. — Неопознанный объект снимается с обычного графика проверки.

Широким, яростным движением Жерар перечеркнул стандартный желтый талон на боку чемодана. Маркер закрипел по поликарбонату, оставляя жирные алые полосы. Затем он вытащил из поясной сумки тяжелый ручной штампель и с глухим, сокрушительным стуком припечатал угол картонной бирки к замку багажа.

Прямо поверх их фамильной таблички легла несмываемая круглая печать с литерой «L» и выведенная рукой Мерсье надпись: «EXPÉDITION SPÉCIALE — LYON. SANS RESTITUTION LOCALE».

Ниже он вывел новое время отправки, подчеркнув его двумя чертами: 05:20.

— Двадцать минут шестого, — Мерсье поднял глаза на побелевшую Лену. В его зрачках не осталось даже злости, лишь тупая, непоколебимая казенная броня. — Грузовой почтовый состав сорок три четырнадцать. Там химическая лаборатория разберется, что именно спрятано в вашей фамильной реликвии. А сейчас — вон отсюда.

Он махнул охранникам:

— Проводите этих господ за пределы вокзального периметра. Если через две минуты они будут на путях — сдавайте патрулю жандармерии на площади Дидро.

Холод ударил в лицо с размаху, едва захлопнулась тяжелая герметичная створка служебного выхода.

Охранники действовали без грубости, но с той неумолимой вежливостью, против которой бессильны любые

аргументы. Два крепких плеча в непромокаемой синтетике вытеснили их по узкому наклонному пандусу прямо на продуваемый всеми ветрами технический перрон. За спиной со звонким щелчком заблокировался электронный турникет, и красная лампа над ним мигнула, объявляя мир внутри закрытым навсегда.

Дождь не просто шел — он рушился с черного парижского неба косыми сплошными шторами, взбивая на перроне серую пузырящуюся пену. Ветер, врываясь в просветы между путями, выл в металлических фермах мостов, срывая с крыш водяную пыль.

Лена сделала шаг вперед по мокрому рифленому настилу. Мысли путались, превращаясь в бессвязный гул. Пять двадцать. В чемодане осталась вся их неделя: бронь маленькой мансарды на улице Лепик, адрес хозяина, тяжелый старинный ключ от парадной двери, деньги, теплые сухие носки, в конце концов. И та самая резная коробочка, о которой Артём твердил последние три месяца, загадочно улыбаясь в бороду.

Нога в промокшем ботинке скользнула на металлическом компенсационном стыке рельса.

Лена не успела сгруппироваться. Земля ушла из-под ног, колено с тупой болью врезалось в острый край мокро-

го базальтового балласта. Она инстинктивно выбросила руки вперед, пытаясь удержать равновесие, но висевшая через плечо камера мотнулась вперед.

Сухой, тонкий звук расколовшегося стекла потонул в шуме ливня, но для Лены он прозвучал громче вокзальной сирены.

Камера ударилась о чугунный рельс. Металлический корпус выдержал, но защитный светофильтр и передний оптический элемент превратились в крошево. Паутина трещин расползлась по стеклу, один из острых осколков вывалился наружу, блеснув на мокром камне, словно льдинка.

— Лена! — Артём оказался рядом в ту же секунду.

Он упал на колени прямо в лужу, не заботясь о брюках, и его большие руки потянулись к ее плечам, пытаясь поднять, укрыть, прижать к себе. Пальцы его дрожали от холода и бессилия.

— Леночка, ты цела? Вставай, вставай скорей, здесь же лед...

— Не трогай, — ее голос прозвучал тихо, почти беззвучно, но с такой ледяной дистанцией, что его руки замерли в воздухе.

Она сидела на мокрых камнях, глядя на разбитую оптику. Сквозь паутину трещин на черном кругляше объектива мутно отражались ее собственные широко распахнутые глаза. Дождевая вода текла по щекам, смешиваясь с солеными каплями, которые больше не получалось сдерживать. Вся эта выверенная, красивая поездка, каждый выстроенный в воображении кадр, пятилетняя сказка о Париже — все раскололось на мелкие, не подлежащие ремонту осколки.

— Пожалуйста, встань, — умоляюще повторил Артём. Его волосы промокли насквозь и облепили лоб, а плечи казались ссутулившимися под безжалостными струями ливня. — Мы все исправим. Я пойду к дежурному по вокзалу, я вызову консула, мы найдем эту чертову квитанцию...

— Ты не понимаешь, да? — прошептала она, поднимая на него глаза. В них не было упрека, только бездонная, выматывающая усталость. — Ничего ты не найдешь. Потому что ты даже не помнишь, где ее оставил. Ты никогда ничего не помнишь, Тёма.

Она сжала разбитый аппарат в кулаке, не обращая внимания на порезанную о стекло ладонь, и с трудом подня-

лась на ноги, отстраняясь от его попытки поддержать ее за локоть.

Высоко над железнодорожными путями, сквозь пелену секущего дождя, тускло светилось огромное электронное табло Лионского вокзала.

Счетчик минут дернулся, и крупные желтые цифры перещелкнулись с тихим электрическим зуммером:

03:55.

До отправления специального почтового состава на Лион оставалось ровно восемьдесят пять минут.

ГЛАВА 6

Салфетка из прошлого

Каждая ступенька пандуса отзывалась в колене тупой, ноющей болью, но Лена даже не замедлила шаг. Ноябрьский парижский дождь перестал притворяться меланхоличной морсью: он хлестал наотмашь, плотными

косыми полосами, превращая мостовую в мутный бурлящий поток. Горчичный дождевик, купленный когда-то для открыточных променадов, облепил плечи холодной резиной, а шерстяной свитер под ним налился свинцовой тяжестью, впитывая воду через воротник. Ботинки хлюпали на каждом шагу, выплевывая мелкие брызги прямо на подол подвернутых брюк.

Лена шла вперед, упрямо глядя на тяжелые чугунные фермы моста Аустерлиц. Перед глазами все еще стояло багровое пятно маркера, перечеркнувшего их фамилию на бирке, и тусклое табло: 03:55.

— Лена, стой! Да притормози же хоть на секунду, ты же ноги переломаешь!

Голос Артёма срывался на свистящий полусшепот. Он бежал следом, неуклюже перепрыгивая через выбоины в асфальте, пытаясь удерживать над ее головой уродливое железное чучело. Зонт, вывернутый недавним порывом ветра, напоминал остов доисторической птицы: четыре спицы торчали в зенит, удерживая жалкий лоскут черного нейлона, который не защищал даже от крупных капель, зато с яростным свистом вибрировал в воздушных потоках.

— Лена!

Он нагнал ее на середине пролета, где река внизу казалась особенно черной, жирной и бездонной. Попытался перехватить за локоть — пальцы соскользнули по мокрой ткани.

— Убери, — бросила она, не поворачивая головы. Щеку саднило от секущих струй, а на правой ладони пульсировала липкая, теплая царапина от расколотого светофильтра.

— Да здесь же ветродуй страшный, давай хотя бы к опоре отойдем! — Артём снова навис над ней, вытягивая руку с искореженным зонтом. Капли с его темной челки падали ей на переносицу, смешиваясь с дождем. — У тебя рука в крови, свитер весь темный от воды... Лена, ну пожалуйста!

Это «пожалуйста», произнесенное его привычным, мягким, чуть виноватым баритоном — голосом, которым он обычно сообщал, что забыл выключить духовку или купил не то молоко, — переломило последнюю плотину.

Лена замерла посреди чугунной плиты. Резко, с размаху развернулась к нему лицом.

— Что «пожалуйста», Тёма? Что?!

Она вцепилась обеими руками в мокрую ручку зонта, с силой рванула ее на себя, выламывая спицы из его ослабевших пальцев. Тонкий алюминиевый стержень жалобно хрустнул. Не глядя, Лена замахнулась и швырнула изуродованный каркас через кованый парапет. Черный обломок кувыркнулся в воздухе, мелькнул бледной спицей под светом тусклого натриевого фонаря и беззвучно канул в маслянистую стремнину Сены.

— Вот туда твой зонт! — крикнула она, перекрывая гул ветра, бьющего в железные перекрытия. — И твой контроль туда же! И твою «смену координат»!

Артём отшатнулся. Вода ручьями стекала по его вискам, оседая каплями на короткой темной бороде, намокшая джинсовая рубашка прилипла к ключицам. Он стоял перед ней с пустыми, полусогнутыми руками, похожий на растерянного подростка, которого только что выставили из класса.

— Лена, это же просто железо...

— Дело не в железе! — Ее голос сорвался, царапнув горло сухостью, несмотря на всю окружающую воду. — Дело в том, что я больше не могу! Я пять лет дышу за двоих, помню за двоих, проверяю за двоих! Билеты, брони, паспорта, ключи, сроки техосмотра, гребаные накладные! Ты

хоть раз можешь просто взять и довести одно дело до конца? Без спасательных операций?! Без беготни по вентиляциям в четыре утра?!

Париж вокруг них шумел, как гигантская стиральная машина. Ветер рвал полы ее дождевика, вода заливала глаза, превращая огни на противоположном берегу в мутные расплывчатые пятна.

— Я хотела просто один день, понимаешь? — Лена прижала разбитую камеру к груди, как раненого зверька. Пальцы свело судорогой. — Один день не быть строгой мамой для тридцатитрехлетнего мужика. Один день просто идти рядом и верить, что земля под ногами не провалится, потому что ты проверил, куда мы идем. Но ты не можешь. Тебе скучно без катастроф. Ты живешь в своем вечном празднике, а я разгребаю пепелище!

Она развернулась на мокрых каблуках и почти побежала прочь, в сторону темного каменного створа набережной Сен-Бернар, оставляя его одного посреди продуваемого моста.

Шаги за спиной нагнали ее только у массивных гранитных тумб, где мост Аустерлиц плавно перетекал в набе-

режную Турнель. Здесь, под прикрытием старых платанов, ливень казался чуть тише, но монотонный стук капель по тяжелым кожаным листьям лишь усиливал ощущение глухого тупика.

— Стой. Выслушай меня.

Артём не стал хватать ее за руки. Он просто встал между ней и спуском к реке, тяжело дыша, расправив широкие плечи, словно перекрывал сквозняк. Темные *chinos* насквозь потемнели от воды до самых колен, с кожаных носков кроссовок текли струйки. В его миндалевидных глазах больше не было привычной мягкой насмешливости — в них застыла тяжелая, мучительная трещина.

— Ты права, — сказал он негромко. Слова давались ему трудно, с непривычной, саднящей запинкой. — Я чертов растяпа. Я все испортил. Но ты думаешь, я стоял у того газетного киоска и просто считал ворон?

Лена застыла, демонстративно скрестив руки поверх мокрого дождевика. Она не смотрела на него — ее взгляд уперся в шершавый серый парапёт, за которым в паре километров ниже по течению смутно угадывались леса реставрируемого Нотр-Дам, похожие на скелет огромного кита.

— Мне совершенно все равно, что ты там считал, Тёма. Важен результат: багаж опечатан, Мерсье отправляет его в Лион, у нас нет ни денег, ни жилья, а через час начнется рабочий день.

— Я искал открытку, — глухо произнес он.

Лена медленно перевела на него взгляд. На ее бледном лице, усыпанном проступившими от холода веснушками, не дрогнул ни один мускул.

— Что?

— Ту самую. С ротондой на Монмартре. — Артём сунул озябшие кулаки в карманы брюк, глядя под ноги, на серые мокрые плиты. — Ты три месяца назад сохранила ее на планшете. Литография пятьдесят седьмого года, угол Лепик и Жирардон, вид на купол Сакре-Кёр сквозь ветки акации. Ты тогда сказала за завтраком: «Вот бы найти настоящую, бумажную, с запахом пыли». Помнишь?

Лена молчала. В ушах звенело от шума падающей воды.

— Я заметил ее в витрине того чертова киоска на Лионском, когда мы только сошли с перрона, — продолжил он, поднимая голову. В его голосе зазвучала горькая, почти отчаянная искренность. — Старик-букинист уже сворачи-

вал лоток, опускал жалюзи. Я подумал... черт, я подумал, что это знак. Что я куплю ее, положу в ту деревянную шка-тулку, которую везу с собой, и отдам тебе утром на терра-се, когда рассветет. Я полез за кошельком, кинулся к нему, стал объяснять на своем ломаном французском... А талон лежал на валидаторе. Я положил его туда, чтобы освобо-дить руку, и забыл забрать, когда старик захлопнул ста-вень перед моим носом.

Ветер швырнул в лицо горсть ледяных брызг, сорвав-шихся с ветки платана.

— Я просто хотел, чтобы ты обрадовалась, — добавил он тише. — Не по списку. Не по графику в твоём блокноте. А по-настоящему.

Лена смотрела на него, и внутри у нее, вместо ожидае-мой волны тепла, разливалась ледяная, горькая пустота. Она знала этот механизм наизусть. Все их пять лет состоя-ли из таких порывов: невероятно трогательных, поэтич-ных, абсолютно искренних — и катастрофически разру-шительных в быту. Он дарил ей редкие книги, забывая оплатить интернет; он приносил охапки полевых цветов, потеряв ключи от квартиры; он мчался за открыткой, об-рекая их на ночевку под ноябрьским ливнем.

— И ты считаешь, это все оправдывает? — спросила она. Голос ее звучал ровно, пугающе спокойно. — Твоя открытка стоила того, что мы сейчас стоим посреди чужого города без вещей?

— Я этого не говорил...

— Нет, ты именно это имеешь в виду! — перебила она. — Твоя романтика всегда оплачивается моими нервами, Тёма. Ты придумываешь красивые жесты, а я потом стою на коленях в грязи и собираю осколки. И знаешь, что самое страшное? Ты искренне веришь, что это любовь. А это просто эгоизм. Тебе важно почувствовать себя рыцарем, а разгребать последствия — это ведь так скучно, правда? Для этого есть я.

Артём побледнел. Скулы его заострились, темные брови сошлись к переносице. Он ничего не ответил — просто сделал полшага назад, пропуская ее вперед, словно между ними внезапно выросла толстая стеклянная стена.

Узкая каменная лестница с полустертыми, покрытыми скользким зеленым мхом ступенями вела вниз, к нижней кромке набережной. Лена спускалась медленно, держась пальцами за осклизлую гранитную кладку стены. Каждое движение отзывалось в ушибленном суставе, но она упорно шла вперед, лишь бы уйти с открытого пространства, где ветер выбивал из легких последние остатки тепла.

Артём спускался следом. Он держал дистанцию ровно в два метра. Не пытался помочь, не окликал, не вздыхал за спиной. Его шаги по мокрому базальту звучали мерно, глухо и чужой тяжестью давили на тишину.

Внизу, под широким полукруглым сводом мостовой арки, воздух был другим. Здесь пахло сырым речным камнем, вековым илом, холодным песком и неожиданно — сухим деревом и табаком. Шум ливня снаружи превратился в плотный, гулкий рокот, бьющий в массивные своды, словно река катила по мосту чугунные ядра.

Лена сделала шаг в тень арки и замерла.

В глубине укрытия, прислонившись спиной к сухому выступу контрфорса, сидел человек. На нем была объемная вельветовая куртка цвета болотного мха с протертыми кожаными латками на локтях и выцветшие, мокрые по щиколотку джинсы. Длинные, тощие ноги в стоптанных ботинках были вытянуты вперед, а на коленях покоилась классическая акустическая гитара. Пальцы в серых вязаных митенках без пальцев легко, почти лениво перебирали нейлоновые струны, извлекая из инструмента тихую, переливчатую мелодию в синкопированном ритме — нечто среднее между джазовым стандартом и старинной бретонской колыбельной.

Звуки гитары странно преломлялись под сводом, растворяя в себе первобытную ярость парижской ночи.

При появлении чужаков парень не вздрогнул. Его длинные пальцы плавно заглушили вибрирующую басо-

вую струну ладонью. Он медленно поднял голову, откинув со лба копну мокрых темных кудрей, и посмотрел на супругов сонными, глубокими карими глазами. На худом, небритом лице с резкой линией челюсти появилась мягкая, чуть асимметричная полуулыбка.

Взгляд музыканта скользнул по горчичному дождевику Лены, по прижатой к ее груди разбитой камере, по струйке дождевой воды, стекающей с ее носа, а затем перешел на застывшего позади Артёма.

— В этом городе даже слезы падают в тональности фа-мажор, — негромко, с легкой хрипотцой в голосе произнес он на певучем французском, словно продолжал прерванный разговор с невидимым собеседником. — Держите ритм, мадам. Остальное приложится.

Лена ничего не ответила. У нее не осталось сил ни на удивление, ни на вежливость, ни на защиту. Она сделала еще два неверных шага, опустилась на относительно сухой каменный выступ у противоположной стены арки, осторожно положила разбитую оптику себе на колени и спрятала лицо в мокрых, перепачканных копотью ладонях.

Плечи ее мелко, судорожно задрожали, но ни одного звука не вырвалось наружу: она плакала беззвучно, горько

и абсолютно одиноко, пока за ее спиной Артём замер в темноте свода, не смея подойти ближе.

ГЛАВА 7

Человек с перрона

Вода с мокрого денима штанин медленно просачивалась в шерстяные носки, оставляя на коже ощущение колючей наледи. Артём стоял, упершись затылком в шершавый, пахнувший сырой известью камень контрфор-

са, и слушал, как мерный перебор струн глушит редкие всхлипы Лены. Каждый звук ее плача отзывался в висках тупым молотом. Он сунул задеревеневшую руку во внутренний карман куртки, нащупав вощеное бумажное брюшко пакета, который чудом уцелел во время беготни по наклонным желобам багажного яруса.

Музыкант продолжал скользить подушечками пальцев по ладам, глядя куда-то поверх их голов, в темноту сводчатого потолка.

Артём медленно сделал шаг вперед. Подошва влажно чавкнула по каменной крошке. Он опустился на корточки в двух шагах от парня, стараясь не делать резких движений, чтобы не спугнуть ту странную, прозрачную паутину звука, которая держала их троих под этим мостом.

— Pardon, monsieur, — произнес Артём тихо, вынимая пальцы из кармана. Голос после криков на мосту сел, сделался хриплым и глухим. — У вас, случайно, не найдется клочка сухой ткани? Любой тряпки. Хоть уголка рубашки. Стекло протереть.

Парень оборвал аккорд на мягкой септимае. Он медленно моргнул, словно выныривая из густой толщи воды, и оглядел Артёма: взъерошенные темные волосы, мокрая

джинсовая ткань, липнущая к плечам, побелевшие от холода костяшки пальцев.

Вместо ответа Артём достал из глубокого кармана сверток. Бумажный пакет из пекарни размяк по краям, но внутри еще теплилась, пахнущая сливочным маслом и жженым сахаром, пышная круглая сдоба. Единственная выжившая бриошь, сунутая туда щедрой рукой Сесиль перед самым спуском в подземелье.

— Обмен? — спросил Артём с кривой, виноватой тенью улыбки. — Она еще теплая. Настоящая сдоба с левого берега. Без контрабанды, клянусь.

Музыкант посмотрел на золотистую корочку выпечки, затем перевел взгляд на Лену, сжавшуюся в углу, и его губы тронула ленивая, широкая усмешка.

— В этом городе даже дождь попадает в тональность фа-мажор, если пахнет ванилью, — протянул он на мягком, чуть растянутом английском с густым парижским грассированием.

Он отложил инструмент на сухое полотнище чехла, принял бриошь двумя пальцами в дырявой шерстяной митенке и с наслаждением вдохнул пар, поднимающийся от надломленного теста. Другой рукой парень полез во

внутренний карман объемного бархатного футляра гитары. Зашуршала молния, и на свет появился небольшой черный футлярчик, из которого он извлек сложенный вчетверо лоскут плотной рыжей замши.

— Чистая микрофибра. Держу для струн и старого объектива «Лейки», — сказал он, протягивая ткань Артёму. — Держите ритм, друг мой, остальное приложится. Вещи ломаются быстрее, чем люди, но чинятся гораздо проще.

— Спасибо, — выдохнул Артём.

Он поднялся на затекшие ноги, подошел к Лене и опустился перед ней на одно колено прямо в мокрую грязь набережной. Она не шелохнулась, лишь сильнее вжала подбородок в воротник грубого белого свитера. Артём не стал трогать ее плечо. Он просто положил мягкий лоскут замши ей на колени, в нескольких сантиметрах от треснувшего стекла объектива, и тотчас отстранился, отведя глаза в пол. Встретиться с ней взглядом сейчас казалось непозволительной, трусливой наглостью.

За их спинами хрустнула масляная корочка.

— Занятный цвет у плаща вашей дамы, — с набитым ртом заметил гитарист, разглядывая горчичный прорезиненный хлопок Лены. — Такой канареечный оттенок я ви-

дел только у одной безумной особы на улице Сен-Пласид. Сесиль Бонне. Она утверждает, что нормальный человек не должен одеваться в цвета ноябрьской слякоти.

Лена вздрогнула и медленно опустила ладони от лица. Глаза ее, покрасневшие и припухшие, уставились на музыканта.

— Вы... знаете мадам Бонне? — хрипло спросила она.

— Весь пятый округ знает Сесиль, — парень беспечно стряхнул крошки на джинсы. — Она выставляет черствые багеты у входа в пекарню ровно в полночь, чтобы уличные бродяги вроде меня не умерли от гастрита. Меня зовут Марк. Марк Лебрэн. Поэт без сборника и музыкант без контракта.

Он сладко потянулся, отчего потертые кожаные заплаты на локтях его вельветовой куртки натянулись с сухим скрипом. Из кармана брюк Марк вытащил тяжелую металлическую связку на медном кольце. Ключи глухо звякнули друг о друга, качнувшись на его длинном пальце.

— Днем я порчу нервы туристам на ступенях собора, а по ночам работаю хранителем тишины. Ночной сторож в саду Сюзанны Бюиссон, — добавил он с мягкой гордостью, словно объявил о вступлении на королевский престол. —

Маленький запертый парк на самой макушке Монмартра. Там стоит старая каменная ротонда с видом на город, куда приличные буржуа не суются до полудня. У меня есть ключи от кованых ворот и право гонять влюбленных голубей. Правда, сегодня я проморгал свою смену ради хорошей партии арпеджио под мостом. Но старик Сен-Дени на постаменте подождет, ему не привыкать стоять без головы.

Артём медленно поднял голову. Под сводами арки повисла странная, звенящая пауза, в которой остался лишь мерный грохот ливня за пределами каменного укрытия.

Лена машинально взяла сухую ткань. Замша была удивительно мягкой, бархатистой, пахнувшей канифолью и машинным маслом для колков. Пальцы плохо слушались, кончики онемели от холодной влаги, но руки сами начали делать то, к чему привыкли за годы съёмок: аккуратными круговыми движениями она принялась стирать дождевые капли и грязь с разбитой передней линзы. Тонкая паутинка трещин никуда не исчезла — она прорезала кварцевое стекло наискось, разделяя поле зрения на две неравные половины, но чистый блеск оптического покрытия вернулся.

Артём сидел рядом, на сырой каменной ступени, опустив руки между коленей. Он казался огромным, насквозь продрогшим и невероятно чужим в этой своей позе виноватого школьника. С его мокрого носа сорвалась тяжелая капля и упала на мысок ботинка.

Лена шумно перевела дыхание. Смятая замша осталась в ее кулаке. Злость, которая полчаса назад жгла грудь раскаленным железом, вытекла вместе со слезами, оставив после себя лишь серый пепел усталости. Ей было стыдно за слова о «строгой маме» и «эгоизме», но признать это вслух мешала упрямая, заскорузлая гордость.

— Тёма, — позвала она негромко.

Он мгновенно поднял голову, вглядываясь в ее лицо с такой робкой надеждой, что у нее защемило под ребрами.

— Что было в той шкатулке? — спросила она, не сводя глаз с его осунувшегося лица. — Ну, в той, резной, из карельской березы, которую ты берег в чемодане как зеницу ока? Не открытка же. Ты бы не стал прятать ее на самое дно, под замки, если бы там была просто открытка.

Артём замер. Его темные брови дрогнули. Он посмотрел на Марка, который снова перебирал струны в полутьме, тихо напевая себе под нос какую-то легкомыслен-

ную французскую песню о винограде и чулках, а затем медленно расстегнул верхние пуговицы промокнутой насквозь джинсовой рубашки. Ткань прилипла к телу, темнея тяжелыми пятнами.

Из потайного нагрудного кармашка футболки он извлек небольшой сверток, наглухо запаянный в прозрачный плотный полиэтилен с zip-замком.

— Она не в шкатулке, — хрипло сказал он. — Шкатулка была просто футляром. Защитой. А это... это я всегда ношу с собой, когда мы уезжаем. На всякий случай. Чтобы не потерять. Потому что все остальное я теряю, Лен. Всегда.

Он озябшими, негнушимися пальцами распечатал пластиковую полоску и вытащил бумажный прямоугольник.

Это была салфетка. Тонкая, пожелтевшая по краям дешевая бумажная салфетка с неровным тиснением кофейни на Малой Бронной. Пять лет назад там протекала крыша, и с потолка прямо в чашки капала ледяная октябрьская вода, а они сидели за угловым столиком, пили пережженный эспрессо и смеялись над тем, как нелепо выглядит официант в шерстяных варежках.

Посреди салфетки расплывшимися синими чернилами гелевой ручки было выведено неровным почерком Артёма:

«Ты выйдешь за меня в самый дождливый день?»

А ниже стояла ее собственная размашистая закорючка и отпечаток кофейного донышка.

Лена протянула руку и коснулась кончиками пальцев хрупкой сухой бумаги. Бумага была теплой от его тела.

В голове внезапно щелкнуло, словно затвор старого механического фотоаппарата, отсекая все лишнее: вокзальные расписания, цветные папки с бронями, выглаженные платья в опечатанном багаже, не сделанные идеальные снимки на фоне утреннего собора. Все эти месяцы она выстраивала декорации для их любви, боясь, что без безупречного фасада их чувство потускнеет и сотрется в пыль рутины. А он держал в кармане саму суть. Мокрый, нелепый, забывший чертов посадочный талон на валидаторе, потому что бросился искать для нее кусок картона пятидесятих годов, но сохранивший то единственное, ради чего они вообще сели в этот проклятый поезд.

Она сжала салфетку в ладони, чувствуя, как горячая волна поднимается к горлу.

— Дурак ты, Тёма, — прошептала она, и в ее надтреснутом голосе впервые за эту страшную ночь прозвучала живая, щемящая нежность. — Какой же ты неисправимый дурак.

— Я знаю, — покорно согласился он, опуская плечи. — Но я честно старался.

Она не выдержала, подалась вперед и уткнулась лбом в его мокрую джинсовую грудь. От него пахло дождем, речным холодом и лавандовым мылом из гостиницы. Артём неловко, бережно обнял ее широкими ладонями за спину, боясь сжать слишком сильно, и зарылся подбородком в ее влажные каштановые волосы.

— Ну что, голуби? — раздался сверху ленивый голос Марка. Он поднялся, закинув гитару в непромокаемом чехле за спину через плечо. — Светает через час. Город умылся и скоро начнет требовать круассанов и свежих газет. Если мы хотим подняться на холм до того, как дворники смоят остатки магии с мостовых, пора шевелить костями.

Артём поднял голову от плеча Лены. Его лицо посвежело, в глазах вернулась прежняя спокойная решимость, хотя темные круги усталости залегли под веками еще

глубже. Он посмотрел на жену, осторожно убирая за ухо выбившуюся мокрую прядь ее волос.

— Поехали с ним, Лен, — сказал он тихо, беря ее озябшие пальцы в свои ладони. — К черту этот чемодан. К черту пиджаки, платье и туфли на шпильке. Встретим наш юбилей на Монмартре прямо так: в твоём огромном свитере и моих драных кроссовках. Марк пустит нас в ротонду, наплевать на Мерсье с его Лионом. Мы здесь. Мы вместе. Разве этого мало?

Лена посмотрела на него. В предзвездных сумерках, просачивающихся под арку, ее орехово-зеленые глаза казались совсем темными. На бледных щеках проступили легкие веснушки. Она покачала головой — медленно, но так твердо, что Артём осекся.

— Нет, Тёма, — сказала она, сжимая его ладонь так сильно, что побелели суставы. — Не мало. Но мы поедем на вокзал.

— Лена, там Мерсье, полиция и закрытые склады...

— Мне плевать на платья, — перебила она с неожиданной горячностью, расправляя плечи. — Но там твой дедушкин чемодан. Наш чемодан. С нашей фамилией на латунной планке. Мы пять лет учились не бросать то, что

нам дорого, когда все летит к чертям. И я не позволю какому-то обиженному на жизнь интенданту отправить кусок нашей истории под пресс в чертов Лион!

Марк, стоявший у выхода из-под арки, вдруг коротко и звонко присвистнул.

— Вот это женщина, — протянул он с восхищением. — Настоящая валькирия с Сен-Жермен. Месье, если вы ее не слушаете, я сам украду ее прямо из-под моста.

Он развернулся и быстро зашагал по каменному пандусу вверх, к набережной. Супруги переглянулись и, не сговариваясь, бросились следом, избегая по скользким ступеням.

Наверху ливень почти стих, перейдя в мелкую, взвешенную в воздухе морось. Асфальт набережной блестел, как черное зеркало, отражая золотистые цепочки редких уличных фонарей. У чугунной кованой ограды стояло странное транспортное средство: тяжелый старый грузовой трицикл с огромным деревянным коробом впереди, выкрашенным облупившейся зеленой краской.

Марк перекинул длинную тощую ногу через раму и победно положил ладони на широкий изогнутый руль.

— Мой королевский экипаж, — торжественно объявил он. — Доставляет провизию в сад и спасает заблудшие души. Живее, мадам и месье! Залезайте в кораб, пока патруль не решил проверить мои габариты.

Артём подсадил Лену, подхватив ее за талию, и она легко перемахнула через борт, прижимая камеру к груди. В деревянном нутре короба пахло прелой листвой, сырыми опилками и старыми холстами. Следом, тяжело дыша, перевалился сам Артём, заняв все оставшееся пространство своими длинными ногами и заслонив ее широкой спиной от ветра.

Марк привстал на педалях, наваливаясь всем весом своего тощего тела. Цепь натянулась с натужным хрустом, стальные зубья звездочки впились в звенья, и тяжелая трехколесная колымага с глухим стуком колес по брусчатке тронулась с места.

Они вылетели на набережную Сен-Бернар. Холодный встречный воздух хлестнул в лицо, смывая остатки оцепенения. Где-то впереди, над мутной гладью Сены, сквозь клочья тумана проступали желтые круглые циферблаты высокой башни Лионского вокзала, озаренные тусклым электрическим сиянием.

Марк бросил короткий взгляд на стрелки часов вдалеке, оперся грудью о руль и, перекрывая гул ветра, прокричал:

— У нас сорок минут до отправления поезда Жерара, прыгайте в кузов!

ГЛАВА 8

Поезд на Лион

Колеса трицикла подпрыгивали на мокрых стыках мостовой, отдавая мелкой дрожью во всем теле. Деревянные стенки ящика жалобно поскрипывали при каждом резком повороте, а встречный ветер резал глаза

колючей водяной пылью. Лена обеими руками прижимала фотоаппарат к свитеру под курткой, стараясь уберечь объектив от летящих из-под передней шины брызг. Артём загораживал ее спиной, намертво вцепившись в борта потемневшего от сырости короба.

Впереди, за полосой тускло освещенного асфальта, выросли массивные железные ворота служебного въезда. Черно-белый полосатый шлагбаум перекрывал дорогу к погрузочным путям, а над кирпичной будкой КПП вращался тусклый оранжевый маячок.

— Марк, там закрыто! — крикнула Лена, перекрывая свист ветра в ушах.

— Это иллюзия восприятия, мадам! — прохрипел менестрель, еще яростнее налегая на скрипящие педали. — В этом городе даже заборы имеют свойство расступаться перед хорошей песней!

Двое охранников в длинных дождевиках выскочили из караулки наперерез тяжелой машине. Их яркие флуоресцентные жезлы зачертили в воздухе резкие кресты. До полосатого бруса оставалось не больше двадцати метров.

— Arrêtez! Стой, черт тебя дери! — донеслось сквозь грохот цепи.

Марк не сбавил ход ни на йоту. Напротив, он на мгновение оторвал зад от узкого седла, навалился грудью на изогнутый руль, а затем с силой рванул его вправо, одновременно вдавливая пяткой педаль ножного тормоза. Металл заскрежетал о мокрый гранит. Задние колеса сорвались в скольжение, и трицикл, взметая веер грязных брызг, развернуло поперек полосы. Деревянный короб накренился под критическим углом, зачерпнув боком воздух.

— Выходим! — рявкнул Марк, и в следующую секунду старая повозка тяжело рухнула на бок прямо под ноги опешившим патрульным.

Лена с Артёмом кубарем покатались по мокрой брусчатке. Удар о сырой щебень железнодорожной насыпи вышиб воздух из легких, но Лена инстинктивно сгруппировалась, прижимая локоть к ребрам, чтобы спасти висящую на шее камеру. Острый камень оцарапал колено сквозь ткань брюк. Рядом тяжело заворочался Артём, выругался сквозь зубы и тут же сгрёб ее за плечо, помогая вскочить.

Позади раздался яростный свисток и треск пластика. Один из охранников споткнулся о погнутое колесо трицикла, ругаясь на чистейшем парижском аргю.

— Бегите к четвертой рампе! Живее! — донесся голос Марка.

Лена обернулась на долю секунды. Музыкант сидел прямо в луже, расставив длинные ноги, бережно прижимая к груди уцелевший чехол с гитарой, и во всю глотку, срываясь на хриплый фальцет, горланил гимн:

— Allons enfants de la Patrie-e-e! Le jour de gloire est arrivé!

Второй патрульный, ослепленный внезапным концертом и собственным фонарем, попытался перешагнуть раму, но Марк ловко подставил носок ботинка, и охранник с глухим плеском приземлился рядом в грязь.

— Вперед, Лена! Не смотри туда! — дернул ее за руку Артём.

Они рванули вперед, огибая угол склада. Воздух жег бронхи ледяной иглой, подошвы скользили по жирному, пропитанному мазутом балласту путей, а впереди уже громыхали маневровые тепловозы, отсчитывая последние минуты их пятилетнего плана.

Под высокими сводами дебаркадера стоял густой, тяжелый запах дизельной гари, сырого железа и горелого масла. Длинный почтово-багажный состав тускло поблескивал мокрыми гофрированными боками, вытянувшись вдоль бетонного перрона четвертой платформы. Воздух дрожал от низкого, утробного рокота работающего локомотива.

Артём бежал так, как не бегал со школьных кроссов. Легкие горели огнем, мышцы бедер налились свинцом, а старые кроссовки предательски скользили по вымощенным плиткой островкам перрона, заставляя его баланси-

ровать на грани падения при каждом шаге. Лена отстала на десяток метров, ее прерывистое дыхание тонуло в механическом гуле составов.

В пятидесяти шагах впереди зиял открытый проем багажного вагона. Изнутри лился холодный люминесцентный свет, выхватывая из полумрака стопки деревянных ящиков, почтовые тюки и металлическую тележку. Рабочий в оранжевом жилете, равнодушно жуя сигарету, перехватил за ручку знакомый желтый чемодан — их чемодан, с латунной бляшкой, на которой были выбиты две фамилии, ставший за эту ночь символом всего, что они пытались спасти.

— Стойте! Подождите! — закричал Артём, но голос сорвался в сиплый кашель.

Из-за штабеля паллет плавно и размеренно, словно на параде, выступил Жерар Мерсье. Его форменная синяя фуражка сидела идеально ровно, а начищенные пуговицы кителя тускло блеснули под светом станционного фонаря. Во рту у начальника смены был зажат блестящий никелированный свисток. Взглянув на циферблат наручных часов, Мерсье коротко, властно махнул рукой рабочему.

Желтый чемодан взлетел в воздух и с глухим стуком исчез в темноте вагона.

— Мерсье! — взревел Артём, бросая вперед все тело, выжимая из онемевших ног последнюю скорость. — Мерсье, стойте, это ошибка!

Начальник смены медленно повернул голову. На его сухом, выбритом до синевы лице не дрогнул ни один мускул. Он вынул свисток изо рта, негромко произнес команду во внутренний микрофон радиостанции на лацкане и обеими руками взялся за тяжелую стальную рукоять раздвижной двери.

— Нет! Не закрывайте!

До проема оставалось три метра. Артём оттолкнулся от скользкого бетона в отчаянном прыжке, выбросив вперед правую руку с растопыренными пальцами. Он видел каждую царапину на заклепках, видел капли конденсата на сером металле, чувствовал теплый сквозняк из недр вагона.

Тяжелая рифленая створа с оглушительным, лязгающим грохотом врезалась в паз прямо перед его пальцами. Металлический засов опустился с сухим механическим щелчком. Через секунду поверх скобы легла свинцовая пломба, зажатая тяжелыми щипцами Мерсье.

Воздух разрезал пронзительный, вибрирующий свист станционного свистка. Дизель взревел, выплеснув под своды сизый клуб чада. Состав дрогнул, сцепки натянулись с протяжным стоном, и колесные пары, скрежеща бандажами по стали, медленно провернулись, унося вагон в сырую темноту перегона.

Красные хвостовые огни последнего вагона казались двумя тлеющими углями. Они покачивались из стороны в сторону, все быстрее удаляясь по вееру стрелок, пока не превратились в мутные точки, а затем и вовсе не растворились в сизой дождевой дымке путей. Состав ушел. Почтовый экспресс номер 4314 увозил в сторону Лиона их сменную одежду, ключи от крошечной квартиры под черепичной крышей, фамильную открытку и пять лет выверенной до миллиметра совместной жизни.

Артём стоял у самого края перрона. Он уперся ладонями в колени, ссутулившись так, словно ему на плечи опустилась бетонная балка перекрытия. Его мокрая темная рубашка промокла насквозь и теперь парила на холодном воздухе, от нее поднимался едва заметный белесый парок. Он тяжело хрипел, глядя на пустую нитку рельсов,

блестевшую в свете фонарей, как два ледяных лезвия. Ни оправданий, ни привычных шуток у него не осталось.

Лена подошла медленно, волоча ноги. Подошвы ботинок хлюпали по скопившейся в выбоинах воде. Каждый шаг отдавался глухой болью в ушибленном бедре, но физическая боль была ничем по сравнению с пустотой, которая вдруг заполнила все внутри. Не было ни слез, ни злости. Только серая, липкая тишина, навалившаяся на платформу после ухода поезда.

Она подняла висящий на шее фотоаппарат, привычным движением прижала окуляр к глазу и навела треснувшую линзу на пустые пути. Палец нажал на спусковую кнопку.

Затвор дернулся с тихим, жалобным щелчком — слабым, неуверенным, лишенным прежней упругой силы. Внутри механизма что-то натужно пискнуло, крошечный зеленый светодиод на верхней панели моргнул дважды и окончательно погас. Аккумулятор сел. Экранчик остался абсолютно черным, мертвым зеркалом, в котором отразилось лишь ее бледное лицо с растрепанными мокрыми прядями.

Она опустила руки. Тяжелый металлический корпус потянул шею вниз.

Рядом стоял низкий деревянный поддон из-под багажных ящиков, пахнущий сырой сосной и гарью. Лена медленно, словно у нее внезапно кончились все шарниры в теле, опустилась на мокрые доски, подтянула колени к груди и уставилась в темноту за стрелочным постом.

Вся их поездка, выстроенная по минутам, продуманная до оттенка шарфа к цвету парижских крыш, рассыпалась в пыль на перроне грузовой станции. Никакого утреннего кофе на балконе с видом на Сакре-Кёр. Никаких накрахмаленных воротничков и шелковых подолов. Ничего. Только двое промокших до нитки людей в чужом городе, без ключей, без вещей и без единого шанса вернуть назад упущенную секунду.

На высокой вокзальной башне за ее спиной круглые часы со скрипом провернули минутную стрелку. Механизм издал короткий глухой гул, отмерив ровно 05:22.

ГЛАВА 9

Экстренное торможение

Артем не стал дожидаться, пока тяжелые колеса состава скроются за дальним стрелочным постом. Сорвавшись с места, он перемахнул через низкий чугунный отбойник и побежал вдоль служебной насыпи, срезая дугу

путей. Гравий с шипением сыпался из-под подошв, жирный нагар оседал на мокрых джинсах. Впереди, на возвышении из серого шлакоблока, желтел квадрат окна выездного поста. На крутой металлической лестнице с поручнями уже виднелась прямая, словно аршин проглотившая, фигура Жерара Мерсье.

— Месье Мерсье! — крикнул Артём, задыхаясь от колотья в боку.

Он взлетел по рифленным ступенькам, едва не оступившись на верхней площадке, и намертво вцепился в узкий косяк остекленной двери, перекрывая вход широкой спиной. Дождь хлестал наискось, превращая их лица в мокрые маски, но Артём не вытирал воду со лба.

— Одну минуту. Выслушайте меня ровно шестьдесят секунд, месье.

Жерар медленно остановился на верхней ступени. Его выправка оставалась безупречной даже под ноябрьским ливнем, ни единая капля не смела упасть мимо жестких полей фуражки. Тонкие губы начальника смены сжались в нить.

— Вы нарушаете периметр безопасности стратегического узла, месье, — произнес он тем особенным ледяным

голосом, каким обычно зачитывают судебные приговоры без права на помилование. — Еще один шаг, и я активизирую тревожную сирену. Жандармерия прибудет через три минуты.

Мерсье поднял руку в мокрой кожаной перчатке и положил указательный палец прямо на опломбированную красную кнопку экстренного вызова, торчащую на внешней панели щитка.

— Да послушайте же вы! Там вся наша жизнь! Ключи, открытка, наш дурацкий юбилей! — Артём шагнул вперед, выставив ладони, чувствуя, как холодная влага струится по запястьям. — Я идиот, я сам потерял этот чертов талон, Лена ни в чем не виновата!

— Жизнь держится на следовании правилам, месье, — отчеканил Жерар, и в его стальных глазах под нависшими веками не отразилось ни единой человеческой эмоции. — Когда правила рушатся, начинается хаос. Почтовый состав уже прошел выходную стрелку. Ни один диспетчер не остановит экспресс из-за забытых штанов и сентиментальных бумажек. Отойдите от двери.

Палец начальника смены надавил на пружину кнопки, защитный пластиковый колпачок щелкнул.

— Жерар! Прекрати немедленно, олух ты с медными пуговицами!

Из густого белесого пара, вырывавшегося из продувочной трубы теплотрассы под платформой, вынырнула яркая фигура. Сесиль Бонне преодолевала шпалы со скоростью штурмового катера. Ее виниловый дождевик цвета дижонской горчицы хлопал на ветру, а вишневые резиновые сапоги с сочным чавканьем взбивали вокзальную грязь. В обеих руках, защищенных толстыми полосатыми прихватками, она бережно держала круглую медную форму, от которой в холодную ночную морось поднимался густой сладкий дух.

— Сесиль? — Мерсье поперхнулся собственным приказом, рука его дрогнула на кнопке. — Что ты здесь делаешь? Тебе запрещен вход в служебную зону с девяносто восьмого года!

— Плевать я хотела на твои зоны, сухарь министерский! — пожилая парижанка взлетела по железной лестнице, орудуя локтями так, будто пробивалась сквозь толпу на распродаже в «Галери Лафайет». Оттолкнув опешившего кузена бедром, она протиснулась внутрь будки и с глухим металлическим стуком водрузила дымящуюся форму прямо на полированную панель стрелочного пульта, аккумуля-

рат между тумблерами третьего и четвертого пути. — Съешь кусок пирога, Жерар, и перестань вести себя как бессердечное чудовище!

Теплый, ошеломляющий аромат печеных яблок, темной карамели, корицы и едва уловимой лаванды мгновенно вытеснил из тесного пространства будки запах казенного сургуча и машинного масла.

Жерар Мерсье застыл в дверном проеме. Его ноздри дрогнули. На мгновение его железный подбородок опустился, а взгляд скользнул по золотистой глянцевой корочке тарт татена — того самого, рецепт которого их бабушка хранила в жестяной коробке из-под нормандского печенья и пекла только к первому снегу.

Лена поднялась по железным ступеням медленно, держа за мокрый ледяной поручень обеими руками. Каждый шаг отзывался ноющей болью в ушибленном о щепень бедре, промокший шерстяной свитер висел тяжелым мокрым панцирем, а разряженная камера на груди казалась куском мертвого железа. Она не стала смахивать со щек прилипшие пряди волос. Внутри не осталось ни раздражения на вечную безалаберность Артёма, ни паники

перед рухнувшим расписанием. Была только странная, звенящая ясность.

В тесной стрелочной будке пахло карамелью и грозой. Жерар Мерсье стоял у пульта, опустив тяжелые руки вдоль швов кителя, но его безупречная осанка впервые дала незаметную трещину — плечи едва заметно опустились. На выносном мониторе в углу мигала белая точка: спецсостав № 4314 уже миновал предвходной светофор и приближался к распределительной стрелке перегона Берси. Тяжелый гул колес нарастал за окном, заставляя вибрировать толстые оконные стекла.

Лена перешагнула порог. Она не взглянула на пульт, не стала сыпать угрозами или жаловаться на испорченное путешествие. Подойдя к застывшему у стены Артёму, она тихонько коснулась его мокрого плеча, а затем осторожно запустила пальцы в нагрудный карман его джинсовой рубашки.

Бумажный сверток в прозрачном зип-пакете был влажным по краям, но уцелел. Лена аккуратно развернула тонкую кофейную салфетку. Чернила пятилетней давности слегка расплылись от ночного конденсата, превратив торопливые строчки мужа в синеватые тени, но слова чита-

лись безошибочно. Она повернулась к начальнику смены и протянула реликвию на раскрытой ладони.

— Посмотрите, месье Мерсье, — ее голос прозвучал удивительно спокойно, перекрывая нарастающий перестук вагонных тележек на путях. — Это не багажный талон. Это не документ с гербовой печатью. Это просто салфетка из дешевой кофейни на Малой Бронной, которую он хранил пять лет в кармане у самого сердца.

Жерар медленно перевел на нее взгляд своих стальных глаз. Челюсти его были сжаты так крепко, что на скулах вздулись желваки.

— Мадам, инструкции национальных дорог...

— Ваши инструкции превосходно защищают вагоны от людей, месье, — перебила она с печальной мягкостью. — Они охраняют пломбы, графики и ведомости. Но они совершенно бесполезны, когда человек решает запереть собственное сердце в багажном отсеке и отправить его куда подальше, лишь бы никто не увидел его слабости. Вы ведь тоже когда-то кого-то любили? До того, как выучили наизусть все параграфы устава?

Сесиль всхлипнула в углу, шумно сморкаясь в край своего цветочного фартука.

Взгляд Мерсье дрогнул. Он скользнул по неровным строчкам на салфетке, затем метнулся к кухне, прячущей мокрые глаза за круглыми очками, и невольно опустился к нижнему выдвижному ящику диспетчерского стола. Там, под стопкой бланков строгой отчетности, лежала старая, с обтрепанными углами фотография тридцатилетней давности: молодая смеющаяся женщина в фате на фоне вокзальных часов в Дижоне — женщина, которой он когда-то не простил опоздания на поезд на четыре с половиной минуты.

За окном взревел тепловозный гудок. Почтовый состав уже выползал на соединительную ветку, стрелочный перевод начал вибрировать под тяжестью многотонных платформ. Времени не оставалось вовсе: еще три секунды, и хвост поезда уйдет за пределы маневрового участка.

Жерар Мерсье издал странный горловой звук — смесь рычания и подавленного стога. Резким, почти яростным движением он сорвал с головы форменную фуражку с золотым кантом и швырнул ее оземь. Черная тулья покати-лась по замасленному линолеуму, собирая пыль под бата-реей.

— Дьявольщина! — рявкнул он на чистейшем бургунд-ском наречии.

Прежде чем кто-либо успел шелохнуться, начальник смены перемахнул через низкую тумбу пульта, сбил лок-

тем пустую кофейную кружку и обеими руками схватился за длинный аварийный рычаг выездного семафора. С глухим металлическим хрустом он выломал предохранительную скобу и рванул рукоять на себя до упора.

На мачте за окном вспыхнул яростный, режущий глаза рубиновый огонь.

Где-то на путях раздался чудовищный скрежет сминаемого металла. Тормозные магистрали почтового состава отозвались пронзительным пневматическим ударом, воздух распорол оглушительный вой колодок, вжимающихся в колесные диски. В темноте перегона взметнулся сноп ослепительно-белых искр. Состав задергался в судорогах экстренного торможения, сцепки загрохотали цепной реакцией, и почтово-багажный вагон номер 4314 с протяжным шипением замер поперек стрелочного перевода всего в сорока метрах от поста.

Машинист яростно вжал клавишу тифона — протяжный бас локомотива сотряс стеклянный купол вокзала, требуя немедленных объяснений.

— Сидите здесь! — бросил Жерар через плечо, распахивая дверь наружу.

Он слетел по металлической лестнице с прытью тридцатилетнего стрелочника, не обращая внимания на хлещущий дождь. Артём бросился следом, перепрыгивая через три ступеньки.

Они подбежали к замершему вагону в тот самый момент, когда из бокового окна локомотива высунулась перекошенная физиономия машиниста в наушниках. Мерсье даже не взглянул в его сторону. Вскочив на мокрый рифленый порог грузовой платформы, он выхватил из кармана тяжелые пломбирочные клещи, с одного движения перекусил стальной тросик свежей пломбы и с натужным стоном рванул тяжелую откатную дверь в сторону.

Среди серых деревянных клеток и почтовых мешков сиротливо выделялось одно яркое пятно. Желтый пластиковый бок чемодана блеснул в контровом свете прожектора. Мерсье перехватил чемодан за телескопическую ручку, поволок к краю и без малейшей бюрократической деликатности вытолкнул наружу.

Артём поймал летящий груз у самой земли, прижав к груди холодный, мокрый пластик, как величайшую драгоценность в мире. Металлическая бляшка с выгравирован-

ными фамилиями глухо стукнула о пряжку его ремня. Чемодан был на месте.

Жерар тяжело прыгнул с подножки вагона прямо в гравий. Ворот его белой рубашки был разорван, красный шелковый галстук сбился набок, а мокрые седые волосы прилипли ко лбу. Он перевел тяжелое, прерывистое дыхание, глядя на онемевшего от счастья Артёма, а затем повернулся к подошедшей Сесиль. Старушка стояла у насыпи, шмыгая носом, и неловко комкала подол своего горчичного дождевика.

Жерар сделал шаг вперед, неуклюже, по-медвежьи притянул кузину к себе за плечи и крепко уткнулся подбородком в ее мокрый вязаный узел на макушке.

— Ладно тебе, старая перечница, — пробормотал он хрипло, стараясь не смотреть на светящиеся окна вокзала. — Пирог у тебя все такой же пересахаренный. Как и сорок лет назад.

Сзади, взметая гравий лысыми покрывками, резко затормозил фургончик пекарни «Chez Cécile». За рулем сидел Марк Лебрэн — с перевязанным грязным платком запястьем, синяком под глазом, но в абсолютно триумфальной шляпе набекрень. Задние двери старого «Ситроена»

распахнулись настезь, обдавая платформу теплом остывающей печи и ароматом корицы.

Жерар Мерсье отстранился от кухни, шагнул к Артёму и Лене и с силой вложил выдвинутую ручку чемодана в ладонь Артёма.

— Живее залезайте в кузов, пока дежурный по депо не вызвал военную полицию, — бросил он, и в уголках его глаз впервые за ночь проступили мелкие лукавые морщины. — Бегите на Монмартр, у вас ровно двадцать минут до солнца!

ГЛАВА 10

Рассвет в фа-мажоре

Фургончик замер у подножия холма так резко, что пустые формы для выпечки за перегородкой взвизгнули тонким жестяным хором. Марк не глушил мотор; высунувшись из окна, он махнул перебинтованной

рукой в сторону отвесного пролета улицы Фокатье, уходящего в сизую дымку.

— Выше фургон не пройдет, там карнизные плиты переложили! — крикнул музыкант, перекрикивая свистящий радиатор. — Вверх, по ступеням! Я срежу через служебный тупик и открою решетку!

Лена вывалилась из кузова на брусчатку, вдыхая густой пар остывающей выпечки вперемешку с уличным холодом. Артём ссадил чемодан оземь, коротко кивнул Марку, и «Ситроен», фыркнув сизым дымом, вильнул в узкий переулок слева.

Перед ними вздымалась лестница. Бесконечная, крутая, зажата между белеными стенами и черными коваными фонарями, она казалась грандиозным каменным хребтом, уходящим прямо в белесое небо.

— Десять минут, — выдохнула Лена. Ее пальцы вцепились в пластиковую рукоять сбоку. — Артём, у нас десять минут, восток уже белеет!

— Беру левую сторону, — отозвался он, перехватывая ручку чемодана справа. — Мы успеваем по графику, если не считать маленького апокалипсиса.

Они рванули вверх. Гранитные ступени блестели под фонарями, влажные и гладкие, точно куски речного льда. Желтый чемодан, набитый нарядными тканями, запасной обувью и пятилетней историей их брака, весил так, будто в него тайком упаковали пару чугунных колоколов с Базилики. Каждый шаг отдавался глухим толчком в плечи, резиновые колесики отчаянно подсакивали на выступах, стуча дробной очередью по выщербленным краям.

Тяжелый ливень, терзавший город всю ночь, наконец сдался. Он истончился до прозрачной взвеси, оседающей на губах прохладой, а потом и вовсе растаял. На смену ему пришла чистая, звенящая свежесть, какую можно застать в Париже только в ноябре перед самыми первыми птицами: пахло мокрым кирпичом, выстиранным плющом, древесной корой и далеким сладким тестом из приоткрытых вентиляционных люков.

На сороковой ступени правая нога Лены предательски вильнула на мокром мхе. Подошва городского ботинка скользнула назад, колено встретилось с камнем, и рука выпустила чемодан.

Артём охнул, удержав груз в одиночку, чуть не вывернув локоть.

— Лена!

Она сидела на гранитной площадке между пролетами, уперев руки в бока, и тяжело дышала. Растрепанные каштановые пряди прилипли к горячим щекам, тяжелый свитер колол шею, а промокшая насквозь кожа ботинок хлюпала, сковывая щиколотки, как колодки средневекового узника. Лена посмотрела на свои ноги, потом на раскрасневшегося, взъерошенного мужа, который балансировал с тяжеленным баулом на краю скользкого парапета, и вдруг запрокинула голову.

Сначала это был короткий смешок, вырвавшийся против воли. Затем он перерос в настоящий, неудержимый приступ хохота, который взлетел вверх по пустому каменному колодцу улицы, пугая голубей под жестяными карнизами.

— Ты чего? — растерялся Артём, пытаясь перевести дух. — Ушиблась?

— Они мокрые! — отсмеиваясь, простонала она. — Они тяжелые, как два мешка с песком, и совершенно, абсолютно не пригодны для романтических восхождений!

Не раздумывая больше ни секунды, Лена распустила шнурки, сдернула сначала один ботинок, затем второй и без малейшей жалости швырнула их под чугунную тумбу

уличного фонаря. На ней остались только толстые серые шерстяные носки.

Она встала на ступеньку. Влажный холод камня мгновенно прошел шерсть, но стопам стало легко и свободно.

— Эй, ты куда? — крикнул Артём.

— Вперед! — Лена подобрала край свитера и побежала вверх, пружиня на носках и едва касаясь пальцами сырой штукатурки домов. — Догоняй, хранитель багажа!

— Все под контролем, честно! — заорал он ей вслед, единым рывком закидывая двадцатикилограммовый чемодан себе на правое плечо, точно мешок с мукой. — Мон-мартр наш! Париж капитулировал!

Он припустил следом, тяжело печатая шаг стоптанными кожаными кроссовками. Мышцы горели, дыхание вырывалось из груди горячим сиплым паром, но Артём не сбавлял темпа, глядя, как впереди мелькают ее мокрые серые шерстяные пятки. Лена бежала легко, раскинув руки, словно парила над сырыми ступенями, перескакивая через мелкие лужицы. На ее лице играла шальная, дерзкая улыбка, которой он не видел, кажется, со времен их первой студенческой вылазки в Крым, когда они так же удирали от шторма по можжевельным скалам.

На последнем витке лестница вывела их на ровную террасу. За полосой тумана расступились кроны вековых кленов, ронявших редкие медные листья на вымытый гравий. Впереди, в окружении темных зарослей самшита, проступили витые пики чугунной ограды сквера Сюзанны Бюиссон.

Тяжелая резная калитка была распахнута настежь. На мокром песке аллеи виднелись свежие следы рифленых ботинок Марка, а из глубины парка, где среди деревьев белел купол старинной беседки, донесся отрывистый, приветственный перебор струн.

Артём ввалился под свод ротонды и с облегчением сбросил чемодан на кованую чугунную скамью. Металл жалобно звякнул, откликнувшись на удар. Ноги гудели, рубашка на спине взмокла до последней нитки, но внутри разливалось редкое, победное тепло. Они дошли. Они стояли на вершине проклятого холма, и город лежал внизу, укутанный мягким сиреневым покрывалом уходящей ночи.

— Открывай, — велела Лена, тяжело опираясь на резную колонну. Ее носки насквозь промокли и потемнели, кончик носа покраснел от бега, но глаза блестели лихора-

дочным золотом. — Скорее, Марк уже настраивает гитару, а небо светлеет с каждой секундой.

Артём вытер мокрый лоб рукавом, подошел к скамье и вставил пальцы в латунные защелки. Знакомый щелчок замков прозвучал сухо и отчетливо. Он потянул застежку молнии.

И замер.

Через прорезиненную окантовку, поврежденную во время их ночных приключений на путях и в лужах у стрелочного перевода, успела проникнуть щедрая порция парижской дождевой воды. Она хлюпнула внутри полиэтиленовой прокладки. Артём с замиранием сердца откинул верхнюю крышку.

Сверху, поверх его запасных брюк, лежало белоснежное шелковое платье. То самое, простого летящего кроя, с открытой спиной и тончайшей вышивкой по подолу, которое Лена выбирала три месяца, примеряя его по вечерам перед зеркалом в коридоре, пока он делал вид, что читает техническую документацию.

Шелк больше не был белоснежным. Правый край подола пропитался грязной вокзальной жижей, превратившись в мокрую серую тряпку с маслянистыми разводами

от станционного гравия. Ткань смялась, отсырела и пахла не ландышами и праздником, а сырым чугуном и креозотом Лионского вокзала.

Воздух в ротонде словно застыл.

Артём медленно поднял глаза на жену. Его олимпийское спокойствие, спасавшее их всю ночь, дало трещину. Он ждал. Он слишком хорошо знал свою жену: ее перфекционизм, ее трепетное отношение к деталям, выверенным до миллиметра, ее тайный страх, что важное событие окажется скомканным и неопрятным. Сейчас начнется тихий, горький плач — плач человека, у которого отобрали красивую сказку, подсунув вместо нее грязную лужу.

— Лена... — начал он хрипло, выставляя вперед ладони, готовый принять на себя весь справедливый удар ее гнева. — Послушай, мы можем... мы найдем химчистку, мы отложим до полудня, я найду утюг...

Лена подошла к скамье. Она двумя пальцами приподняла мокрый, тяжелый край подола, с которого на кованные завитки скамейки упала тяжелая капля. Посмотрела на серое пятно, на перекошенную от ужаса физиономию мужа, на его сбитые костяшки пальцев и порванный ворот рубашки.

В тишине сквера слышался короткий всхлип. Артём похолодел.

Но всхлип не был слезным.

Лена приснула. Она зажала рот ладонью, ее плечи затряслись, а в следующую секунду над ротондой, над верхушками кленов и пустынными аллеями Монмартра прогремел звонкий, безудержный девичий хохот. Это был смех окончательного, абсолютного освобождения. В нем сгорели все графики, все тайм-коды, все выверенные ракурсы и выглаженные складки несуществующей идеальной жизни.

— Ты... ты чего? — опешил Артём, опуская руки.

— «Химчистку»! — передразнила она, утирая выступившие от смеха слезы. — «Отложим до полудня»! Волкодав ты мой благородный, ты на себя в зеркало смотрел? У тебя на щеке сажа, галстука нет, а из кармана торчит салфетка пятилетней выдержки!

Она решительно отшвырнула шелк обратно в чемодан, даже не взглянув на испорченный подол. Развернувшись к стоящему на входе Марку, который деликатно перебирал лады, глядя в сторону, она крикнула:

— Марк! Где то желтое недоразумение, которое Сесиль бросила на переднее сиденье?

Менестрель с готовностью выудил из-за пазухи своего вельветового пиджака сложенный вчетверо горчично-желтый виниловый плащ-дождевик пекарни с забавным капюшоном и вручил его Лене с поклоном придворного кавалера.

Лена встряхнула клеенку. Винил издал громкий хлопок. Одним движением она накинула просторный балахон прямо поверх своего мокрого свитера, просунула руки в безразмерные рукава и с громким треском застегнула пластиковые кнопки снизу доверху — вплоть до самого подбородка.

— Вот, — объявила она, упирая руки в бока и гордо расправляя плечи в шуршащем желтом коконе. — Самый устойчивый к атмосферным осадкам подвенечный наряд в истории Пятой республики. Фасон — парижский пекарь на пенсии. Практично, тепло и не боится ни Севера, ни мазута.

Она сделала неуклюжий пируэт на мокрых шерстяных носках, заставив полы дождевика взметнуться широким колоколом.

Артём смотрел на нее, забыв, как дышать. Перед ним стояла взлохмаченная, промокшая до костей женщина в нелепом желтом виниле, с испачканным носом и горящими шальными глазами, и она была настолько ослепительно, невыносимо красивой, что у него перехватило горло.

— Ну? — поддразнила она, подходя вплотную и дергая его за расстегнутый ворот. — Чего застыл, жених? Паспорт не потерял?

— Кажется, потерял, — хрипло отозвался он, притягивая ее к себе за шуршащую талию. — Но тебя нашел.

Марк опустился на широкую каменную ступень ротонды, небрежно вытянув длинные ноги в стоптанных замшевых ботинках. Он тронул пальцами без перчаток басовую струну, проверяя строй, и над влажным гравием поплыли первые звуки.

Это не была привычная ресторанная баллада или заезженный мотив с открыток. Гитара зазвучала прозрачно, широко и воздушно, выводя мягкую, бесконечно светлую тему в фа-мажоре. Музыка ложилась на утренний воздух так же естественно, как оседал туман, сплетаясь с далеким, просыпающимся рокотом проспектов далеко внизу.

— Держите ритм, — тихо прошептал Марк, не поднимая головы от деки. — Остальное приложится.

Артём медленно опустил руку в правый карман джинсовой рубашки. Там, у самого сердца, рядом с чудом уцелевшей салфеткой, лежал маленький плоский деревянный конверт из темного ореха, стянутый простой бечевкой. Он развязал узел пальцами, которые все еще хранили холод вокзальных рычагов.

Внутри лежало тонкое кольцо из белого золота. Без вычурных камней, строгое и гладкое, с едва заметной внутренней гравировкой: латинские координаты стрелочного поста и сегодняшнее число.

Лена увидела кольцо и замерла, спрятав озябшие ладони в широкие рукава дождевика.

Небо над Парижем треснуло. Серая ночная пелена на востоке, за шпилями соборов и тяжелой геометрией вокзальных крыш, окрасилась сперва в цвет перезрелого персика, а затем вспыхнула чистым, незамутненным золотом. Первые прямые лучи солнца пробили туманные низины Сены, коснулись белых куполов Сакре-Кёр над их головами и щедрой волной залили мокрую площадку сквера. Вся вода на листьях, на кованых решетках и гранитных плитах превратилась в россыпь жидкого янтаря.

— Пять лет назад, — заговорил Артём, и его глубокий, обволакивающий голос перекрыл переборы гитары, — я пообещал тебе, что наша жизнь не превратится в расписание пригородных электричек. Я обещал тебе приключения, хотя сам до смерти боялся выйти из зоны комфорта.

Лена молчала, глядя ему прямо в глаза, и в ее зрачках отражались поднимающиеся над горизонтом золотые сполохи.

— Я соврал тебе тогда только в одном, — продолжал он, беря ее за ледяную руку и согревая в своих широких ладонях. — Я думал, что должен быть для тебя каменной стеной без единой трещины. Непогрешимым стратегом, который знает ответы на все вопросы и никогда не теряет ключи от дверей. Но эта ночь показала мне, какой я дурак. Мне не нужно быть идеальным, Лена. Мне просто нужно быть рядом с тобой, когда рушатся все планы мира. Обещаю и дальше терять билеты, забывать зонты, но каждую секунду помнить, зачем я просыпаюсь по утрам.

Он надел кольцо на ее безымянный палец. Оно скользнуло легко, чуть прохладное, вставая вплотную к старому, тонкому ободку пятилетней давности.

Лена глубоко вздохнула. Холодный воздух обжег легкие, принося с собой запах чистого камня и начинающегося дня.

— А я, — ее голос дрогнул, но тут же окреп, наполнившись той самой звенящей нежностью, которую невозможно сыграть, — обещаю больше никогда не прятаться от тебя за объективом. Я так боялась упустить ускользающую красоту, что чуть не проглядела саму жизнь, которая бежала рядом со мной в порванной рубашке и тащила на себе дурацкий желтый чемодан. Я беру тебя в мужья снова, Артём. Со всеми твоими потерянными координатами, забытыми талонами и бесконечной, невыносимой любовью.

Она повернулась к скамье, подхватила висящий на ремне старый «Олимпус» с треснувшим защитным фильтром. Экран камеры был мертв, батарея отключилась еще на набережной, но затвор механического аппарата жил своей собственной, независимой от электричества жизнью.

Лена не стала поднимать тяжелый корпус к лицу. Она не стала прищуриваться, выстраивать композицию по золотому сечению или крутить кольцо ручного фокуса.

Прижав металлический бок камеры к груди, прямо поверх желтого шуршащего винила, она шагнула вплотную к

мужу. Артём сгреб ее в охапку, оторвал от мокрых каменных плит и закружил в воздухе. Полы ее дождевика взметнулись, открывая мокрые носки, смех вырвался на свободу, смешиваясь с аккордами фа-мажора, а солнце окончательно выкатилось из-за горизонта, превращая весь просыпающийся Париж под их ногами в сплошное сияющее полотно.

Она опустила руку с аппаратом вниз, направляя линзу наугад — в центр огромной утренней лужи у кованых перил ротонды, где в зеркальной глади воды дрожали их смазанные, счастливые отражения, обрамленные первыми лучами чистого света.

Палец нажал на спуск.

Затвор щелкнул — глухо, отчетливо и навсегда.

Они замерли у кованых перил, тяжело дыша и прижимаясь друг к другу щеками, пока город внизу медленно смывал с себя ночную тьму, наполняясь гулом, жизнью и обещанием нового дня.

Благодарности

Эта книга никогда бы не случилась без моей главной вдохновительницы — Лены, согласившейся одолжить книжной героине своё железное упрямство и заразительный смех (и простившей мне ту самую вокзальную рассеянность). Спасибо Парижу за дождь, который смывает лишние иллюзии, и всем случайным ночным попутчикам, чьи черты превратились в месье Мерсье, добрую Сесиль и неутомимого Марка. Спасибо моим близким за веру в эту безумную затею и готовность слушать историю о том, как из разбитых планов рождается настоящее чудо. И отдельное спасибо судьбе за способность вовремя нажать на стоп-кран.

Артём ♥

Второй шанс под небом Парижа

Автор: Артём

Написано специально для Лены на нашу пятую
годовщину свадьбы

Октябрь 2026

